

18+

ЭЛЬ КЕННЕДИ

ОШИБКА

«Еще больше горячих хоккеистов, эмоциональных качелей
и сердечного жара!»

ROMANTIC TIMES

Annotation

Если ты звезда хоккейной команды колледжа с крышесносным рельефом мускулатуры и очаровывающей улыбкой, кто может устоять? Однако не каждая, оказывается, мечтает стать очередной «хоккейной зайкой», и неотразимый Джон Логан попадает на крючок.

Эль Кеннеди — автор более пятидесяти романов, которые не раз включались в список бестселлеров *The New York Times* и становились выбором читателей журнала *Romantic Times*.

Продолжение романа «Сделка»

«Еще больше горячих хоккеистов, эмоциональных качелей и сердечного жара!» — *Romantic Times*

Эль Кеннеди

Ошибка

Elle Kennedy

THE MISTAKE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Trident Media Group и Andrew Nurnberg Literary Agency.

Copyright © 2015 by Elle Kennedy

© Е. Прокопьева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Апрель

Сохнуть по девушке своего лучшего друга — полный отстой.

Во-первых, это создает уйму неловких ситуаций. Не скажу за всех парней, но мало кому захочется выйти из спальни и столкнуться с девушкой своей мечты, которая всю ночь провела в постели твоего лучшего друга.

А во-вторых, мало-помалу начинаешь есть себя поедом. Что и понятно: трудно не возненавидеть себя за то, что предаешься фантазиям о той, по которой сходит с ума твой друг.

Пока что неловкие моменты перевешивают. В нашем доме очень тонкие стены, а это значит, что мне слышен любой стон, сорвавшийся с губ Ханны, каждый ее вздох. И каждый удар изголовья кровати об стену, когда кто-то другой занимается любовью с девушкой, о которой я не могу перестать думать.

Весело, что и говорить.

Я лежу на своей кровати и пялюсь в потолок. И даже больше не притворяюсь, что копаюсь в записях на своем iPod. В уши уже давно воткнуты наушники, чтобы не слышать, чем занимаются Гаррет и Ханна в соседней комнате, но я до сих пор так и не нажал кнопку воспроизведения. Похоже, сегодня мне хочется помучиться.

Нет, я не идиот. Я знаю, что она любит Гаррета. Достаточно понаблюдать, как Ханна на него смотрит, как они ведут себя, когда вместе. Они встречаются уже полгода, и даже я, самый худший в мире друг, не могу отрицать того, что это идеальная пара.

И черт побери, Гаррет заслуживает счастья. Это с виду он самоуверенный сукин сын, но на самом деле — чертов святой. Лучший центральный нападающий из всех, с кем мне доводилось выходить на лед, и просто отличный парень. Я не сомневаюсь в своей гетеросексуальности, поэтому с уверенностью могу сказать: знаете, что бы было, играй я за «другую команду»? Я бы не просто трахнул Гаррета Грэхема — я бы на нем женился!

И именно это делает всю ситуацию нестерпимой. Я даже не могу ненавидеть парня, который занимается сексом с девушкой моей мечты. Нет даже мысли о мщении, потому что я не могу ненавидеть Гаррета, никак не могу.

Слышен скрип открывающейся двери, и в коридоре раздаются чьи-то шаги. Я молюсь, чтобы ни Гаррет, ни Ханна не постучали в мою дверь. Или того хуже — заговорили со мной, потому что даже звук голоса кого-то из них приведет меня в еще большее уныние.

К счастью, в дверь громко барабанит другой мой сосед, Дин. И тут же, не дождавись приглашения, входит.

— Сегодня вечеринка в «Омеге-Фи». Идешь?

Я мгновенно спрыгиваю с кровати, потому что прямо сейчас отправиться на вечеринку кажется чертовски классной идеей. Напиться в хлам — верный способ на время забыть про Ханну. Хотя нет — я хочу не только напиться, но и трахнуть кого-нибудь. Если одно не поможет мне в достижении моей цели, то второе точно работает.

— Да, черт возьми, — отвечаю я, одновременно пытаюсь найти рубашку.

Натягивая чистую футболку, стараюсь не обращать внимания на острую боль в левой руке — она до сих пор адски болит из-за костедробильного силового приема, полученного во

время игры за звание чемпионов на прошлой неделе. Но оно того стоило — уже третий год подряд хоккейная команда Брайара одерживает победу в финале «Замороженной четверки». Можете считать это непревзойденным хет-триком. И все игроки нашей команды, включая меня, по-прежнему наслаждаются преимуществом зваться трехкратными национальными чемпионами.

Дин, тоже защитник нашей команды, называет все это «Победа с тремя П»: попойки, популярность, перепихи.

И он не грешит против истины, потому что с момента нашей грандиозной победы я самолично пользуюсь всеми этими благами.

— Сегодня ты дежурный водитель? — надевая поверх футболки черную толстовку и застегивая ее, спрашиваю я.

Мой приятель фыркает:

— Ты сейчас это серьезно?

Я закатываю глаза:

— И то правда: чем я только думаю?

Никогда такого не было, чтобы Дин Хейворд-Ди Лаурентис оставался на вечеринке трезвым. Каждый раз, когда чувак выходит за порог дома, он либо напивается в стельку, либо укуривается до чертей. Но если вы думаете, что это каким-то образом влияет на его игру, то ошибаетесь. Он из тех уникалов, которые могут кутить похлеще молодого Роберта Дауни-младшего, но при этом оставаться такими же успешными и уважаемыми, как нынешний Роберт Дауни-младший.

— Не парься, за нами присмотрит Так, — говорит мне Дин. Значит, наш четвертый сосед, Такер, тоже едет с нами. — Слабак! Уже сутки прошли, а у него все еще похмельный синдром. Решил взять перерыв.

М-да, но я Такера не виню. Межсезонные тренировки начнутся только недели через две, а мы прямо-таки задались целью отдохнуть на всю катушку. Вот что бывает, когда становишься национальным чемпионом. Когда в прошлом году мы выиграли чемпионат, я не просыхал две недели подряд.

Нельзя сказать, что я с радостью жду межсезонья. Силовые и физические подготовки, изнурительные тренировки — все это изматывает, но ты совсем остаешься без сил, когда одновременно с этим вкалываешь по десять часов. Но у меня нет выбора. Тренировки наизнос — обязательная часть подготовки к предстоящему сезону, а работа... что поделывать, я дал обещание брату, и, как бы меня ни выворачивало наизнанку от одной только мысли о том, что мне предстоит, отступить от своих обещаний нельзя. Джеф с меня три шкуры спустит, если я не выполню свою часть уговора.

Мы с Дином спускаемся по лестнице, а наш сегодняшний водитель уже ждет нас у входной двери. Лицо Такера покрыто изрядно отросшей рыжевато-коричневой щетиной, которая делает его похожим на вервольфа. Однако на прошлой неделе на какой-то вечеринке девчонка, с которой он познакомился, сказала ему, что у него кукольное лицо. Вот Такер и решил испробовать новый образ.

— Ты ведь понимаешь, что эти заросли на физиономии мужественности тебе не придадут, да? — подкалывает его Дин, когда мы выходим за дверь.

Так пожимает плечами:

— Вообще-то, я стремился к брутальности.

Я фыркаю:

— Ну, до этого тебе тоже еще далеко, Кужолка. Ты похож на сумасшедшего ученого.

Такер показывает нам средний палец и направляется к водительскому месту моего пикапа. Я усаживаюсь на пассажирское сиденье, а Дин залезает в кузов, объяснив это тем, что ему хочется подышать свежим воздухом. На самом деле, ему просто хочется, чтобы ветер растрепал его шевелюру до состояния взъерошенного, сексуального беспорядка, от которого девчонки штабелями падают к его ногам. Должен предупредить сразу: Дин до отвращения тщеславен. Но, с другой стороны, выглядит он как модель, так что, наверное, ему можно быть тщеславным.

Такер заводит мотор, а я барабаню пальцами по ноге, с нетерпением ожидая, когда мы наконец стартуем. Многие студенты из Греческой системы^[1] раздражают меня своим высокомерием, но я буду смотреть на это сквозь пальцы, потому что... Черт, да потому что если бы организация вечеринок входила в Олимпийские игры, то любой дом братства или сестринства в Брайаре получил бы золотую медаль.

Так задним ходом выезжает с подъездной дорожки, а мой взгляд падает на сияющий черный джип Гаррета, который припаркован на своем обычном месте, пока его владелец проводит вечер с лучшей в мире девушкой и...

ХВАТИТ! Я скоро сойду с ума из-за этой одержимости Ханной Уэллс.

Мне нужно потрахаться. И как можно скорее.

По дороге до «Омега-Фи» Такер непривычно тих. Может, он даже хмурится — трудно сказать, потому что кто-то сбрил все волосы с тела Хью Джекмана и приклеил их к лицу Така.

— Что за игра в молчанку? — непринужденным тоном спрашиваю я.

Он бросает на меня сердитый взгляд, а потом снова переводит глаза на дорогу.

— Ох, ну прекрати. Это потому что мы прикалываемся над твоей бородой? — Я понемногу начинаю злиться. — Приятель, да это как первая глава пособия «Бороды для чайников»: если отпускаешь бороду как у горца, приготовься к тому, что это станет поводом поржать. Конец главы.

— Дело не в бороде, — бурчит Так.

— Ладно, — недоумеваю я. — Но ты явно из-за чего-то сердисься. — Когда приятель ничего не отвечает, я решаю копнуть глубже. — Да что с тобой?

Взгляд его сердитых глаз встречается с моим.

— Со мной? Ничего. А вот что с тобой? Я даже не знаю, с чего начать. — И я слышу, как он чертыхается себе под нос. — Завязывай уже с этим дерьмом, мужик.

Теперь я вообще перестаю что-либо понимать, потому что все мои действия за последние десять минут были связаны только со сборами на вечеринку.

Такер замечает мое удивление и мрачным тоном поясняет:

— Я про эту фигню с Ханной.

От неожиданности я застываю, но все еще пытаюсь сделать вид, что не врубаюсь:

— Понятия не имею, о чем ты толкуешь.

Угу, лучше уж я совру. Собственно, мне не впервой. Кажется, я вру с тех самых пор, как поступил в Брайар.

Мне предначертано попасть в НХЛ самой судьбой. Так или иначе, я попаду в команду!

Обожаю каждое лето работать механиком в гараже отца. Зашибаю приличные деньги на карманные расходы!

Нет, я не сохну по Ханне. Она же встречается с моим лучшим другом!

Ложь, ложь и еще больше лжи, потому что каждый раз сказать правду равносильно крушению всех надежд, а меньше всего мне хочется, чтобы мои друзья и товарищи по команде меня жалели.

— Оставь эту чушь для Джи, — резким тоном бросает Такер. — И знаешь что? Тебе повезло, что он так влюблен и не обращает внимания на то, что происходит. Потому что иначе он бы точно заметил, как ты себя ведешь.

— Да? И как, интересно? — в тон ему отвечаю я и стискиваю челюсти. Мне совсем не нравится, что Так догадался о моих чувствах к Ханне. А еще больше мне не нравится то, что он, после стольких месяцев, все-таки решился на этот разговор. Почему не оставить все как есть? Эта ситуация и так уже хуже некуда, но нет, кое-кому понадобилось еще и уличить меня.

— Серьезно? Ты хочешь список? Отлично. — Его лицо мрачнее тучи, когда он начинает перечислять каждую гребаную мелочь, что и без того вызывает во мне чувство вины. — Ты выходишь из комнаты в тот же момент, когда они туда заходят. Ты прячешься в своей спальне, когда она остается у нас ночевать. А если вы все-таки оказываетесь в одном помещении, когда думаешь, что тебя никто не видит, ты глаз с нее неводишь. Ты...

— Ладно, — обрываю я его. — Понял-понял.

— И я уж не говорю о том, что ты трахаешься со всеми подряд, — ворчит Такер. — Да, ты тот еще бабник, но чувак, за эту неделю ты переспал с пятью девушками!

— Ну и что?

— А то, что сегодня четверг. Пять девушек за четыре дня. Да ты сам, блин, посчитай, Джон.

Вот черт. Он назвал меня по имени. А Такер называет меня Джоном, только когда по-настоящему злится на меня.

Но вот только сейчас я тоже злюсь на него и поэтому тоже обращаюсь к нему по имени:

— А что не так, Джон?

Да, мы с ним тезки. Наверное, нам нужно поклясться на крови и создать свой клуб или типа того.

— Мне двадцать один год, — раздраженно продолжаю я. — Мне уже можно заниматься сексом. Нет, я должен заниматься сексом — как еще, когда ты учишься в колледже? Развлекаешься, трахаешься и отлично, черт побери, проводишь время до тех пор, пока не выходишь в реальный мир и жизнь не превращается в дерьмо.

— Ты действительно хочешь притворяться, что все эти переписки — просто вехи в твоей студенческой жизни? — Такер качает головой, затем делает выдох, и тон его смягчается: — Ты не можешь выкинуть ее из головы, мужик. Сегодня ты можешь переспать с сотней других женщин, но это все равно ничего не изменит. Тебе пора принять тот факт, что с Ханной у вас ничего не будет, и жить дальше.

Он абсолютно прав. Я прекрасно осознаю, что погряз в своем дерьме и трахаюсь, только чтобы отвлечься.

А еще я понимаю, что нужно прекращать эти вечеринки, во время которых я напиваюсь до бесчувствия. Что нужно убить в себе эту искорку надежды на то, что у нас что-то может быть, и просто смириться с тем, что этого не случится.

Наверное, я даже начну действовать. С завтрашнего дня.

А сегодня? Буду придерживаться изначального плана. Забыться. Потрахать. А все остальное пусть катится к чертям.

Я поступила в колледж девственницей.

И начинаю думать, что в этом же статусе его и окончу.

Конечно, в том, чтобы состоять почетным членом клуба целомудрия, нет ничего плохого. Ну и что, что мне скоро стукнет девятнадцать? До того чтобы именоваться старой девой мне еще далеко, и уж точно никто не станет обмазывать меня дегтем и вываливать в перьях только потому, что моя девственная плева до сих пор в целости и сохранности.

К тому же не похоже, что у меня появилась возможность потерять девственность в этом году. С тех пор как я поступила в университет Брайар, моя лучшая подруга только и делает, что таскает меня по вечеринкам, которым я уже потеряла счет. Конечно, парни со мной флиртовали. Некоторые (и это правда) даже пытались меня соблазнить. А один вообще прислал фотку своего пениса с надписью «Он весь твой, детка». Что само по себе было... да-да, ужас как пошло, но, думаю, если бы он действительно мне нравился, то я, наверное, была бы, э-э-э, польщена? Так ведь?

Но ни один из тех парней меня не заинтересовал. А те, кому удалось привлечь мое внимание, не смотрели в мою сторону.

До сегодняшнего вечера.

Когда Рамона объявила, что мы идем на вечеринку братства, я и не думала, что кого-то там встречу. Такое ощущение, что каждый раз, когда мы оказываемся в «Греческом ряду»^[2], парни из братства стараются уломать нас с Рамоной поцеловаться взадос. Но сегодня я познакомилась с парнем, который по-настоящему мне понравился.

Его зовут Мэтт, и он не похож на всех этих пафосных придурков. Мало того что он по-прежнему трезв, так еще и изъясняется распространенными предложениями и еще до сих пор не употребил слово «братан», хотя мы болтаем довольно долго. Вернее, болтает он. Потому что я, может, и успела вставить пару фраз, но зато совсем не против просто стоять и слушать его, любуясь точеным подбородком и милыми завитками светлых волос.

А если честно, так даже лучше, что я молчу. Рядом с симпатичными парнями я начинаю нервничать — несу всякую чушь, потому что не могу ясно соображать. Мои самоограничители отключаются, и я вдруг начинаю рассказывать им о том, как опи2салась в третьем классе во время экскурсии на фабрику по производству кленового сиропа. Или о том, как боюсь щенков, или о своем безобидном расстройстве личности, из-за которого, стоит вам отвлечься, я могу запросто начать убирать в вашей комнате.

Так что да, уж лучше я буду просто стоять, улыбаться, кивать головой и время от времени вставлять «о, правда?», чтобы окружающие знали, что я не немая. Только так получается не всегда, особенно если симпатичный парень задает мне вопрос, требующий конкретного ответа.

— Не хочешь выйти на воздух и покурить вот это? — Мэтт вытаскивает из кармана своей рубашки косячок и демонстрирует его мне. — Я бы и здесь затянулся, но только за это Мистер Президент вышибет меня из братства.

Я неловко переступаю с ноги на ногу:

— Э-э-э... нет, спасибо.

— Ты не куришь травку?

— Нет. То есть да, но редко. Из-за нее я чувствую себя... не в своей тарелке.

Он улыбается, и на его щеках появляются обворожительные ямочки:

— Так в этом-то и смысл.

— Да, наверное. Но еще у меня появляется ощущение усталости. О, и еще каждый раз когда я курю траву, то сразу вспоминаю о презентации, которую заставил меня посмотреть мой отец, когда мне было тринадцать. Там содержались статистические данные о том, как курение травы влияет на клетки головного мозга, а еще факты о том, что марихуана вызывает сильное привыкание. Хотя считается, что это не так. А после каждого слайда папа смотрел на меня и говорил: «Ты же не хочешь остаться без своих серых клеточек, Грейс? Нет?»

Мэтт оторопело смотрит на меня, и голос в моей голове кричит: «Хватит!» Но уже слишком поздно. Мой самоограничитель снова подвел меня, и слова продолжают соскакивать с языка.

— Но мама поступила еще хуже, потому что старается быть клевой мамой. Когда мне исполнилось пятнадцать, она отвезла меня на темную аллею, вытащила косяк и объявила, что мы выкурим его вместе. Это напоминало сцену из сериала «Прослушка». Кстати, я вообще-то не смотрела ни одной серии. Но это же о наркотиках, да? Короче, я сидела и паниковала, уверенная в том, что нас вот-вот арестуют, в то время как мама спрашивала меня о моих ощущениях и нравится ли мне травка.

Наконец-то мои губы перестают двигаться. Но взгляд Мэтта уже потух.

— Э-э-э, круто. — Он неловко машет косяком. — Пойду курну. Увидимся позже.

Мне удастся сдерживать вздох до тех пор, пока он не уходит, а потом я протяжно выдыхаю и мысленно отчитываю себя. Проклятье! Не знаю, зачем я вообще трачу время на разговоры с парнями. Каждая беседа начинается с того, что я нервничаю, боясь опозориться, и в итоге оказываюсь в том самом неловком положении, потому что нервничала. Видите? Я обречена с самого начала.

Снова вздохнув, в поисках Рамоны я спускаюсь на первый этаж. Кухня забита кегами и парнями из братства. То же самое и в столовой. В гостиной полно очень громких и очень пьяных парней и море полуодетых девиц. Я восхищена их храбростью, потому что на улице морозно, а входные двери то и дело распахиваются настежь, отчего по дому гуляют холодные сквозняки. Мне же хорошо и тепло в джинсах-скинни и обтягивающем свитере.

Моей подруги нигде не видно. Из колонок грохочет хип-хоп, а я достаю из сумки телефон и смотрю на время — уже почти полночь. Даже после восьми месяцев учебы в Брайаре во мне просыпается чувство ликования каждый раз, если я задерживаюсь дольше одиннадцати вечера. Когда я жила дома, это был мой комендантский час. Мой отец — ярый сторонник ограничений. Любых ограничений. Сомневаюсь, чтобы он хотя бы раз в своей жизни нарушил какое-нибудь правило, и это заставляет меня недоумевать, как они с мамой умудрились прожить в браке так долго. Моя свободолюбивая мама — полная противоположность консервативному, строгому отцу, но это, похоже, лишний раз доказывает, что противоположности притягиваются.

— Грейси! — прорывается сквозь музыку пронзительный женский крик, и я не успеваю опомниться, как откуда ни возьмись возникает Рамона и крепко меня обнимает.

Когда она отстраняется, мне хватает беглого взгляда, чтобы по ее блестящим глазам и покрасневшимся щекам понять — подруга пьяна. На ней точно такой же минимум одежды, как и на большинстве девушек в этой комнате: короткая юбка едва прикрывает задницу, а вырез красного топа с открытыми плечами демонстрирует больше чем следует. И я понятия не имею, как ей удастся балансировать в этих кожаных сапогах на высоченных каблуках. Но

выглядит она шикарно, что уж говорить, и пока берет меня под руку, притягивает к себе многочисленные восторженные взгляды.

Я больше чем уверена, что когда люди видят нас вместе, то чешут в затылке, задаваясь вопросом, как, ради всего святого, мы можем быть подругами. Порой я и сама спрашиваю себя об этом.

В старших классах Рамона была из тех отвязных девчонок, любительниц поразвлечься и выкурить сигуретку за углом школы. Я же была редактором школьной газеты и организовывала всевозможные благотворительные мероприятия. Не будь мы с Рамоной соседками, то вряд ли бы узнали о существовании друг друга, но каждый день мы встречались по дороге в школу и это стало началом дружбы, в которой сперва ценилось определенное удобство, но со временем она переросла настоящую. И настолько крепкую, что когда мы решали, в какой колледж поступать, то подавали заявления в одни и те же места, а когда узнали, что нас обеих зачислили в Брайар, то попросили моего отца поговорить с отделом размещения студентов и устроить так, чтобы мы жили в одной комнате.

С самых первых дней здесь мы были не разлей вода, но сейчас, не стану отрицать, стали немного отдаляться. Рамона всегда была одержима парнями и своей популярностью. Это все, что у нее на уме, и в последнее время я начинаю замечать, что Рамона... раздражает меня.

Черт. Даже от одной мысли об этом я чувствую себя отвратительной подругой.

— Я видела, как вы с Мэттом поднялись наверх! — шипит она мне в ухо. — У вас был секс?

— Нет, — печально отвечаю я. — Похоже, я его отпугнула.

— О нет! Ты что, рассказала ему о своей фобии щенков? — спрашивает она и театральнo вздыхает: — Детка, пора бы тебе уже перестать рассказывать всем о своих заскоках. Я серьезно. Оставь это на потом, когда у тебя будут серьезные отношения и парень уже не сможет так легко сбежать.

Не в силах сдержаться, я начинаю хихикать:

— Спасибо за совет.

— Ну что, ты готова идти, или останемся еще ненадолго?

Я снова обвожу взглядом комнату. И сразу натыкаюсь на двух девушек, одетых только в джинсы и лифчики, которые страстно целуются в углу комнаты, а один из парней братства «Омега-Фи» снимает это горячее проявление чувств на камеру своего мобильного.

После увиденного мне едва удается сдержать стон. Ставлю десять долларов, что это видео скоро появится на одном из порносайтов. А бедные девушки узнают об этом только спустя несколько лет, когда одна из них соберется выходить замуж за сенатора, а желтая пресса будет рыться в ее грязном белье.

— Не буду возражать, если мы уйдем сейчас, — признаюсь я.

— Отлично, я тоже не против.

Я поднимаю брови:

— С каких это пор ты не против уйти с вечеринки раньше полуночи?

Рамона кривит губы:

— Нет никакого резона оставаться. Кое-кто другой уже захапал его себе.

Мне не нужно спрашивать, о ком она говорит — это все тот же парень, про которого она талдычит мне с самого первого дня этого семестра.

Дин Хейворд-Ди Лаурентис.

Рамона просто одержима этим сногшибательным третьекурсником с тех самых пор,

как натолкнулась на него в одной из кофеен кампуса. И я говорю совершенно серьезно. Она таскала меня почти на все домашние матчи Брайара, только чтобы посмотреть, как играет Дин. Должна признаться, парень действительно секси. И еще он, судя по сплетням, тот еще бабник, но, к несчастью для Рамоны, Дин не тусуется с первокурсницами. Вернее, не спит с ними, а именно этого она и хочет. Обычно Рамона ни с кем не встречается дольше недели.

Она захотела прийти на эту вечеринку только потому, что услышала, что Дин тоже здесь будет. Хотя совершенно ясно, что парень чертовски последователен в своем принципе «никаких первокурсниц». Сколько бы раз Рамона ни вешалась ему на шею, он всегда уходит с кем-то другим.

— погоди, я только схожу в туалет, — говорю я ей. — Встретимся на улице?

— Ладно, но давай побыстрее. Я сказала Джасперу, что мы собираемся уходить, и он уже ждет нас в машине.

Рамона пулей уносится к выходу, я же чувствую легкий укол обиды. Очень мило, что она спросила меня, хочу ли я уйти, когда уже приняла решение за нас обеих.

Но я проглатываю раздражение, напоминая себе, что Рамона поступала так всегда и раньше меня это не задевало. Хотя по правде говоря, если бы она не принимала за меня решения и не вынуждала выходить из зоны комфорта, я бы так и провела все годы старшей школы в офисе школьной редакции газеты, пописывая в колонку жизненные советы для подростков, хотя сама даже не знала, что такое жизнь.

Но все же... порой мне хочется, чтобы Рамона сначала спросила меня, спросила, что я думаю, а потом бы решала, что нам делать.

В туалете на первом этаже собралась длинная очередь, поэтому я протискиваюсь сквозь толпу и поднимаюсь на второй этаж, где совсем недавно общалась с Мэттом. Я как раз подхожу к уборной, когда дверь широко распахивается и оттуда выходит красивая блондинка.

Она вздрагивает, когда замечает меня, но тут же надменно улыбается и поправляет подол своего платья, которое иначе как вульгарным и не назовешь. Мне виден даже треугольник ее розовых трусиков.

Мои щеки вспыхивают, и я смущенно отвожу взгляд, дожидаясь, когда она начнет спускаться по лестнице, и протягиваю руку к дверной ручке. Но едва успеваю коснуться ее, как дверь снова распахивается и кто-то выходит.

Мои глаза сталкиваются с парой других глаз, самых голубых во всем мире. Мне хватает секунды, чтобы узнать их обладателя, и мое лицо краснеет еще больше.

Это Джон Логан.

Да-да, Джон Логан, он же ведущий защитник нашей хоккейной команды. И я знаю это не только потому, что Рамона уже несколько месяцев охотится на его друга Дина, а потому, что на прошлой неделе его точеное лицо было на обложке университетской газеты. После победы нашей команды в чемпионате в газете было опубликовано несколько больших интервью с игроками. Не буду врать — статья про Логана была единственной, которую я прочитала.

Потому что этот парень просто сногсшибательно красив.

Как и блондинка, он испытывает шок, увидев меня в коридоре, но тоже быстро берет себя в руки и широко мне улыбается.

А затем застегивает ширинку.

Боже ты мой.

Не могу поверить, что он только что сделал это. Мой взгляд невольно опускается на его

промежность, что, похоже, также его ничуть не смущает. Парень выгибает бровь, пожимает плечом и уходит.

Вау, ничего себе.

Это должно было вызвать во мне чувство отвращения. И не только тот очевидный факт, что парень пять минут назад занимался сексом в уборной. Уже даже то, что Логан застегнул ширинку у меня на глазах, определяло его в один ряд с придурками.

Но вместо этого, одновременно с осознанием всех обстоятельств перепахивания, на меня неожиданно накатывает волна ревности.

Нет, не то чтобы мне хотелось лишиться невинности с первым встречным в уборной, но...

Ладно, я солгала. Мне *очень* этого хочется. По крайней мере с Джоном Логаном. Когда я представляю, как его губы и руки касаются меня, то мое тело тут же накрывает горячая волна.

Почему я *не могу* поразвлечься с парнем в уборной? Я же в колледже, черт побери. Мне нужно получать удовольствие, делать ошибки, искать себя, но в этом году я еще так ничего и не сделала. Я переживаю это все через Рамону, наблюдая, как моя шептунья лучшая подруга рискует и пробует новое, в то время пока я сама, хорошая девочка, топчусь на месте, глядя на жизнь с осторожностью, которую еще с малых лет привил мне отец.

Что ж, я устала быть осторожной. Устала быть хорошей девочкой. Семестр уже почти закончился. Мне еще нужно подготовиться к двум экзаменам и написать работу по психологии — но кто сказал, что я не смогу справиться с этим, не втиснув в свой график настоящие развлечения?

До конца первого курса осталось всего несколько недель. И знаете что? Я хочу использовать их по полной.

Я решил немного сбавить темп с вечеринками. И не только из-за того, что прошлой ночью нализался так, что Такеру пришлось взваливать меня на плечо и тащить наверх в мою спальню, потому что я был не в состоянии идти сам.

Хотя это был один из решающих факторов в процессе принятия решения.

И вот сегодня, в этот пятничный вечер, я не только отклонил приглашение на вечеринку от одного из своих товарищей по команде, но и до сих пор еще не выпил стакан виски, который налил себе больше часа назад. И, кстати, так и не прикоснулся к косяку, который Дин то и дело сует мне под нос.

Сегодня вечером все остались дома. Не побоявшись раннеапрельской прохлады, мы собрались на нашем небольшом заднем дворике. Я закуриваю сигарету, медленно выдыхая табачный дым, а Дин, Такер и Майк Холлис, еще один член нашей команды, по очереди затягиваются от косяка. Я вполуха слушаю, как Дин в самых грязных подробностях описывает нам свой вчерашний секс. Но мои мысли то и дело возвращаются к моему собственному — с чертовски привлекательной девушкой из сестринства, которая заманила меня в одну из ванн наверху, чтобы мы познакомились поближе.

Возможно, я был пьян и мое сознание было немного затуманено, но я отчетливо помню, как довел ее до оргазма при помощи пальцев. И уж точно мне не забыть последовавший за этим весьма эффектный минет. Но Таку я об этом рассказывать не собираюсь — похоже, он ведет счет моим любовным приключениям. Любопытный засранец.

— Погоди-ка. Что ты сделал?

Возглас Холлиса возвращает меня обратно в настоящее.

— Я отправил ей фотку своего члена. — Дин говорит об этом так, словно делает это каждый день.

Холлис пялится на него во все глаза:

— Серьезно? Отправил ей фотку своих причиндалов? Типа такой извращенский секс-сувенир на память?

— Не-е-ет. Типа приглашение на второй раунд, — ухмыляясь, отвечает Дин.

— И как это, черт побери, должно заставить ее захотеть снова переспать с тобой? — Сейчас в голосе Холлиса звучит сомнение. — Наверняка она думает, что ты какой-то придурок.

— Ни фиги подобного, чувак. Телочкам нравятся хорошие фотки членов. Поверь мне.

Холлис сжимает губы, как будто старается не рассмеяться:

— Ну-ну, конечно.

Я стряхиваю пепел на траву и делаю очередную затяжку.

— Мне вот просто любопытно — а что означает «хорошая фотка члена»? Должно быть какое-то особое освещение? Поза?

Конечно же, я прикалываюсь, но Дин отвечает абсолютно серьезно:

— Ну, весь фокус в том, чтобы в кадр не попали яйца.

За этим следует громкое ржание Такера, который чуть не подавился глотком пива.

— Я не шучу, — продолжает Дин. — Яйца не фотогеничны. Женщинам не нравится на них смотреть.

Теперь гогочет Холлис, выдувая в ночной воздух белые облачка дыма.

— Мужик, ты слишком паришься на эту тему. Что печально.

Я тоже смеюсь:

— Погоди-ка, так вот чем ты занимаешься, когда запираешься в своей спальне?

Фотографируешь свой член?

— О, да бросьте, как будто я единственный, кто хоть раз это делал.

— Ты единственный, — одновременно говорим мы с Холлисом.

— Чушь. Вы, парни, лжете. — Тут до Дина доходит, что Такер не отнекивается вместе с нами, и он сразу же обрушивается на нашего молчаливого товарища: — Ха! Я знал это!

Я, выгнув бровь, смотрю на Такера, который, может, покраснел, а может, и нет, под своей огромной бородищей.

— Нет, правда, чувак? Правда?

Он робко улыбается:

— Помните ту девчонку, с которой я встречался в прошлом году? Шину? Так вот, она прислала мне фотку своих сисек. И сказала, что мне нужно ответить тем же.

У Дина отвисает челюсть:

— Член за сиськи? Чувак, тебя развели. Их никак нельзя сравнивать, даже близко.

— И что ты тогда считаешь равным сиськам? — с любопытством спрашивает Холлис.

— Яйца, — заявляет Дин и затягивается косяком. Затем он выдувает колечко дыма, в то время как все мы ржем над его ответом.

— Ты только что говорил, что женщинам не нравится смотреть на яйца, — напоминает ему Холлис.

— Так и есть. Но любой дурак знает, что на фотку члена присылают полный вид спереди. — Он закатывает глаза. — Вот это по уму.

Со стороны раздвижной двери у меня за спиной кто-то кашляет. Громко.

Я разворачиваюсь и вижу Ханну, и моя грудь сразу же болезненно сжимается. На ней леггинсы и один из хоккейных свитеров Гаррета. Ее темные распущенные волосы перекинута через плечо. Она выглядит сногшибательно.

И да, я самый ужасный в мире друг, потому что тут же представляю ее в моем свитере. С моим номером.

Вот вам и «прими и двигайся дальше».

— Э-э-э... так, — медленно говорит она, — просто хочу убедиться, что все правильно услышала... Вы сейчас говорили о том, что отправляете девушкам фотографии своих пенисов?

Ее глаза весело поблескивают, когда она обводит взглядом нашу компанию.

Дин фыркает:

— А то. И не надо вот так вот закатывать глаза, Уэллси. Ты будешь стоять тут и уверять нас, что Джи ни разу не присылал тебе фотку своего члена?

— Не собираюсь отвечать на этот вопрос. — Ханна вздыхает и опирается плечом на дверной косяк. — Мы с Гарретом хотим заказать пиццу. Не хотите присоединиться? О, и еще мы будем смотреть кино в гостиной. Его очередь выбирать фильм, поэтому, скорее всего, это будет какой-нибудь ужасный боевик, так что имейте в виду.

Такер и Дин тут же выражают свое согласие, но Холлис с сожалением качает головой:

— Как-нибудь в другой раз. У меня в понедельник последний итоговый экзамен, похоже, все оставшееся время я проведу за зубрежкой.

— О-о-о, ну что ж, удачи. — Ханна улыбается ему, потом поворачивается, собираясь

войти в дом. — Если у кого-то есть какие-то предпочтения по начинке пиццы, то лучше скажите сразу, или я закажу с овощами. О, и Логан, какого черта! — Прищуриив свои зеленые глаза, она смотрит на меня. — По-моему, ты говорил, что будешь курить только на вечеринках? Мне что, устроить тебе взбучку?

— Хотел бы я на это посмотреть, Уэллси. — Я вроде как прикалываюсь, но как только девушка скрывается в доме, мое шутовское настроение улетучивается.

Находиться рядом с ней — это как постоянно получать под дых. А сидеть с ней и Гарретом в гостиной, есть пиццу, смотреть кино и наблюдать, как они, такие влюбленные, обнимаются... это в сотню раз хуже, чем получать под дых. Это все равно как тебя впечатывает в борт вся хоккейная команда разом.

— Знаете что? Думаю, что все-таки нагрюну к Дэнни. Подбросишь меня до общежитий? — спрашиваю я Холлиса. — Я бы поехал на своей машине, но кто знает, не напьюсь ли я там.

Дин тушит косяк в пепельнице, стоящей на крышке барбекю.

— Там, чувак, тебе точно не напиться. Староста в общежитии Дэнни — настоящий фашист. Он патрулирует коридоры и может нагрюнуть с проверкой в любую комнату. И это не шутка.

Мне плевать. Только бы не оставаться здесь. Не могу я зависать с Ханной и Гарретом, сначала мне нужно справиться со своей идиотской, безумной страстью к ней.

— Тогда я не буду пить. Мне просто нужна смена обстановки. Я весь день просидел дома.

— Смена обстановки, говоришь? — Мрачное выражение на лице Такера подсказывает мне, что он видит меня насквозь.

— Да, — холодно отвечаю я. — У тебя какие-то проблемы с этим?

Так не отвечает.

Я сквозь зубы прощаюсь с ним и Дином и топаю за Холлисом к его машине.

* * *

Спустя пятнадцать минут я стою в коридоре на втором этаже Фэйервью-Хауза, и тут так пугающе тихо, что мое настроение становится еще хуже. Дерьмо. Похоже, староста общежития и вправду строго относится к соблюдению правил. Не слышно ни малейшего звука, а я даже не могу позвонить Дэнни, чтобы выяснить, не отменилась ли вечеринка, потому что так быстро удирал из дома, что забыл взять телефон.

До этого мне ни разу не приходилось бывать в общежитии у Дэнни, и я стараюсь вспомнить, какой же номер комнаты значился в его сообщении. Двести двадцать? Или двести тридцать? Я прохожу мимо дверей, разглядывая цифры, но тут дилемма решается сама собой, когда я понимаю, что комнаты с номером двести тридцать тут нет.

А вот комната номер двести двадцать есть.

Я стучу костяшками пальцев в дверь. За ней почти тут же раздаются шаги. По крайней мере, внутри кто-то есть. Хороший знак.

Дверь распахивается, и я понимаю, что передо мной совершенно незнакомый мне человек. Вернее, это девушка, и очень симпатичная, но все равно — я ее не знаю.

Девушка, увидев меня, удивленно моргает. Ее светло-карие глаза почти такого же

оттенка, как и волосы, заплетенные в длинную косу, которая свисает с ее плеча. Она одета в свободные клетчатые штаны и черную толстовку с логотипом университета. Судя по полнейшей тишине за ее спиной, я постучал не в ту дверь.

— Привет, — сконфуженно выдавливаю я. — Э-э-э...м-да... похоже, это не комната Дэнни?

— Нет.

— Блин. — Я поджимаю губы. — Он сказал, что мне нужно в комнату двести двадцать.

— Тогда кто-то из вас точно ошибся, — предполагает незнакомка. — И если уж на то пошло, на этом этаже нет никого с именем Дэнни. Он первокурсник?

— Третьекурсник.

— О. Что ж, тогда он точно живет не здесь. Это общежитие первого курса. — Все время девушка играет с кончиком косы и не смотрит мне в глаза.

— Блин, — снова бормочу я.

— А ты уверен, что твой друг говорил про Фэйервью-Хауз?

Я задумываюсь. Я был в этом уверен, но сейчас... уже нет. Мы с Дэнни не так уж часто тусуемся вместе. Обычно мы видимся на послематчевых вечеринках, или он приходит к нам в дом с остальными нашими товарищами по команде.

— Уже не знаю, — со вздохом отвечаю я.

— А почему ты ему не позвонишь? — Она по-прежнему избегает встречаться со мной взглядом. Теперь ее глаза опущены на полосатые шерстяные носки, словно они самое восхитительное зрелище.

— Я забыл свой телефон дома. — Черт. Обдумывая имеющиеся у меня в запасе варианты, я провожу рукой по волосам. Они уже отросли и отчаянно нуждаются в стрижке, но я постоянно забываю об этом. — Не против, если я воспользуюсь твоим?

— Э-э-э... не против.

С явной неохотой девушка открывает дверь шире и жестом приглашает меня войти. Я оказываюсь в типичной комнате на двоих, только на одной стороне царят чистота и порядок, а на второй — полнейший разгром. Совершенно ясно, что у этой девушки и ее соседки очень разные взгляды на то, что такое аккуратность.

Почему-то я ничуть не удивляюсь, когда она проходит на ту сторону, где порядок. Сразу видно, что она чистюля. Девушка подходит к столу, отключает телефон от зарядки и протягивает мне:

— Вот, держи.

Как только мобильник оказывается у меня в руках, девушка медленно отступает обратно к двери.

— Тебе незачем все время там стоять, — сухо говорю я. — Если, конечно, ты не планируешь сбежать.

Ее щеки становятся пунцовыми.

Ухмыляясь, я провожу пальцем по экрану телефона и открываю панель набора номера:

— Не волнуйся, красавица. Я просто воспользуюсь твоим телефоном. Я не собираюсь тебя убивать.

— О, я это знаю. Ну или, по крайней мере, так думаю, — с запинками произносит она. — В смысле ты кажешься порядочным парнем, но, с другой стороны, многие серийные убийцы наверняка тоже при первой встрече кажутся порядочными. Ты знал, что Тед Банди^[3] на самом деле был очень обаятельным? — Ее глаза расширяются. — Это же уму

непостижимо! Представь, вот идешь ты — и вдруг встречаешь такого милого, обаятельного парня и думаешь: «О боже, он же само совершенство!», а потом оказываешься у него в доме, находишь в подвале тайную комнату с костюмами из человеческой кожи и куклами Барби без глаз, и...

— Господи! — обрываю я ее. — Тебе когда-нибудь кто-нибудь говорил, что ты слишком много болтаешь?

Ее щеки краснеют еще больше:

— Прости. Иногда когда я нервничаю, то начинаю нести чушь.

Эти слова снова вызывают мою ухмылку:

— Я заставляю тебя нервничать?

— Нет. Ну ладно, если только немного. В том плане, что я же тебя не знаю и... да. Незнакомцы опасны, и все такое, хотя я сомневаюсь, что ты опасный, — поспешно добавляет она. — Но... ты же понимаешь...

— Конечно. Тед Банди, — изо всех сил стараюсь не рассмеяться, подсказываю я.

Девушка снова начинает теревить в руках косу и отводит взгляд, что дает мне возможность изучить ее. Ого, да она действительно симпатичная. Не сногшибательная красотка или типа того, но свежий цвет лица и внешняя простота придают ей немалое очарование. Веснушки на носу, тонкие черты, гладкая кремовая кожа — как на рекламе косметики.

— Ты собираешься звонить?

Я моргаю, тут же вспомнив, по какой причине вообще здесь оказался. Опустив глаза на телефон в своей руке, я принимаюсь рассматривать цифровую клавиатуру так же пристально, как несколько секунд назад рассматривал эту девушку.

— Даю подсказку — пальцами печатаешь номер, а потом нажимаешь кнопку вызова.

Я поднимаю голову, и прозвучавшая в ее голосе плохо скрытая усмешка заставляет меня рассмеяться.

— Отличная подсказка, — соглашаюсь я и тут же мрачно вздыхаю: — Но... До меня только что дошло, что я не знаю его номер. Он сохранен в моем телефоне.

Черт. Заблудиться в пятничный вечер, не имея при себе ни телефона, ни машины, — все это мне в наказание за непристойные фантазии о девушке Гаррета? Похоже, так и есть, я заслужил.

— Черт с ним. Вызову такси, — наконец решаю я.

К счастью, номер университетской службы такси мне известен, так что именно его я и набираю, но лишь для того, чтобы мой звонок сразу перевели в режим ожидания. Услышав фоновую музыку, я подавляю стон.

— Что, поставили на ожидание?

— Угу. — Я снова смотрю на хозяйку комнаты. — Кстати, я Логан. Спасибо, что позволила мне воспользоваться твоим телефоном.

— Не за что. — Девушка в нерешительности медлит. — Я Грейс.

Я слышу щелчок, но вместо голоса диспетчера раздается еще один щелчок и вновь начинает звучать музыка. Чему я не удивлен. Вечер пятницы, как-никак самое загруженное время для местного такси. Неизвестно, как долго мне еще придется ждать.

Я опускаюсь на краешек одной из кроватей — той самой, которая аккуратно застелена, — и силюсь вспомнить номер службы такси в Гастингсе, самом ближайшем к университету городке. Но безуспешно. Мой взгляд перемещается на стоящий на другом конце

кровати открытый ноутбук, и когда я замечаю, что на экране, то с удивлением смотрю на Грейс:

— Ты смотришь «Крепкий орешек»?

— Вообще-то «Крепкий орешек 2». — Кажется, она смущена. — У меня сегодня ночь «Крепких орешков». Я только что закончила смотреть первый фильм.

— Ты неровно дышишь к Брюсу Уиллису или что?

Девушка смеется в ответ:

— Нет. Мне просто нравятся старые боевики. На прошлых выходных я смотрела все части «Смертельного оружия».

Музыка в моем ухе снова останавливается, но тут же продолжает звучать дальше, заставляя меня выругаться. Я сбрасываю звонок и поворачиваюсь а Грейс:

— Не возражаешь, если я воспользуюсь твоим компьютером, чтобы найти номер службы такси в Гастингсе? Может, с ними мне больше повезет.

— Конечно. — После секундной паузы она садится рядом со мной и тянется за ноутбуком. — Давай я открою тебе браузер.

Когда она собирается свернуть окно с видео, фильм снимается с паузы, а из колонок раздается звук. На экране оживает сцена боя в аэропорту, и я тут же наклоняюсь ближе, чтобы посмотреть.

— О, черт, это такой классный эпизод!

— А то! — восклицает Грейс. — Я его обожаю. Вообще-то я обожаю весь фильм. И мне все равно, что говорят другие, — он супер. Конечно, не такой классный, как первый, но и не такой плохой, как кажется многим.

Она собирается поставить кино на паузу, но я останавливаю ее руку:

— А мы можем сначала досмотреть эту сцену?

— Э-э-э... ну ладно, давай. — удивленно тянет она, потом сглатывает и добавляет: — Если хочешь, можешь остаться и досмотреть весь фильм до конца. — Ее щеки краснеют, когда она решается озвучить это приглашение. — Конечно, если тебе не нужно куда-то еще.

Секунду подумав, я качаю головой:

— Не-е, мне никуда не нужно. Я могу позависать у тебя.

Ну а какая у меня есть альтернатива? Вернуться домой и наблюдать, как Ханна с Гарретом кормят друг друга пиццей и то и дело целуются на протяжении всего фильма?

— О. Хорошо, — осторожно произносит Грейс. — Э-э-э... круто.

Я усмехаюсь:

— А ты ждала, что я откажусь?

— Типа того, — признается она.

— С чего бы? Нет, правда, какой парень откажется от возможности посмотреть «Крепкий орешек»? А если ты предложишь мне выпить, то твое предложение станет еще лучше.

— У меня нет выпивки. — Она задумчиво умолкает. — Но в ящике стола спрятана целая упаковка мармеладных мишек.

— Выходи за меня, — тут же предлагаю я.

Рассмеявшись, Грейс подходит к столу, выдвигает нижний ящик и действительно достает оттуда огромную упаковку мармеладок. Я подвигаюсь выше и откидываюсь на груды подушек, а Грейс опускается на колени перед маленьким холодильником у стола и спрашивает:

— Воду или пепси?

— Пепси, пожалуйста.

Она протягивает мне большую упаковку с мармеладными мишками и банку с газировкой, а затем устраивается на кровати рядом со мной и ставит ноутбук на матрас между нами.

Я закидываю в рот мармеладного мишку и сосредотачиваю взгляд на экране. Что ж, конечно я ожидал, что мой вечер сложится иначе, но, черт, почему бы не принять то, что есть.

Джон Логан в моей комнате.

Вернее, Джон Логан на моей кровати.

К чему я совершенно не готова. Честно говоря, меня так и подмывает незаметно отправить SOS-эсэмэску Рамоне и умолять дать мне какой-то совет, потому что я понятия не имею, что мне делать и что говорить. Но у этой ситуации есть свой плюс: мы смотрим кино. А это означает, что мне не надо ничего делать или говорить — просто смотри себе в ноутбук, смейся в нужных местах и притворяйся, что на твоей кровати не сидит самый горячий парень Брайара.

И горячий не только в плане внешности. Но и по температуре тоже. Seriously, от его тела жарит как от печки, а так как из-за его присутствия меня и без того уже бросает в жар, я мгновенно покрываюсь испариной.

Стараясь делать это незаметно, я стягиваю с себя толстовку и запихиваю под одеяло рядом с собой, но мои движения заставляют Логана повернуть голову. Его темно-голубые глаза фокусируются на моей плотно облегающей тело майке и на мгновение задерживаются в районе груди.

О боже. Он пялится на мои сиськи. И хотя я могу похвастаться всего лишь вторым размером, оттого, как вспыхивают его глаза, можно подумать, что у меня буфера как у порнозвезды.

Когда он понимает, что я перехватила его взгляд, то просто подмигивает мне и поворачивается обратно к экрану.

Официально заявляю: я действительно встретила парня, который умеет подмигивать.

Смотреть фильм теперь совсем невозможно. Мои глаза прикованы к экрану, но мысли заняты совершенно другим — парнем, который сидит рядом со мной. Он куда больше, чем мне казалось. Немыслимо широкоплечий, с мускулистой грудью и длинными ногами. Я видела, как он играет в хоккей, так что знаю, каким агрессивным может быть на льду. И оттого, что такое мощное тело находится всего лишь в нескольких сантиметрах от меня, по спине пробегают мурашки. Логан выглядит гораздо старше и мужественнее, чем те ребята-первокурсники, с которыми я общалась в течение этого года.

Ох, тупица! Он же на третьем курсе.

Точно. Но... Логан кажется старше даже третьекурсников. Он не парень, а уже взрослый мужчина, и это пробуждает во мне желание сорвать с него одежду и облизать, как рожок мороженого.

Я закидываю в рот мармеладного мишку в надежде, что слюна хоть как-то увлажнит мое пересохшее горло. Тем временем на борту самолета жена Маклейна спорит с тем назойливым репортером, который уже доставил немало хлопот Маклейнам в первом фильме. И вдруг Логан переводит на меня полный любопытства взгляд:

— Как думаешь, а ты смогла бы посадить самолет, не будь у тебя другого выхода?

Я смеюсь:

— По-моему, ты говорил, что уже видел этот фильм. Тогда ты должен знать, что ей не придется сажать самолет.

— Да, я знаю. Но мне стало интересно, что бы я сделал, если бы находился на борту самолета и был единственным, кто мог бы его посадить. — Он вздыхает. — Я не думаю, что смог бы.

Удивительно, что он так легко признался в этом. Другие парни постарались бы играть в мачо и заявили бы, что смогут посадить самолет даже во сне.

— Я бы тоже не смогла, — признаюсь я. — И если бы там оказалась, сотворила бы что-нибудь ужасное. Например, случайно разгерметизировала кабину, передвинув не тот рычаг. А вообще-то нет. Я боюсь высоты, так что, оказавшись в кабине пилотов и посмотрев через лобовое стекло, наверняка просто упала бы в обморок.

Парень усмехается, и этот хриловатый звук посылает по телу новую волну мурашек.

— Я смог бы управлять вертолетом, — задумчиво изрекает он. — Наверное, это легче, чем управлять реактивным самолетом.

— Наверное. Честно говоря, я ничего не смыслю в авиации. — Теперь мой черед вздохнуть. — Никому не рассказывай, но мне трудно понять, каким образом самолетам удается удерживаться в воздухе.

Он смеется, после чего мы оба вновь возвращаемся к фильму и я мысленно хлопаю себя по спине. Мне только что удалось поговорить с симпатичным парнем и не пуститься в бессвязную болтовню. Черт, за это я заслуживаю золотую звезду.

Нет, конечно я по-прежнему нервничаю. Но что-то в Логане заставляет меня расслабиться. Он весь такой непринужденный, да и к тому же трудно чувствовать себя неловко в присутствии парня, рот которого набит мармеладными мишками.

Пока мы смотрим фильм, время от времени я то и дело исподволь люблюсь этим точеным профилем. Его нос слегка изогнут, словно был сломан. А сексуальный изгиб его губ — это... настоящее искушение. Мне так сильно хочется его поцеловать, что я не могу ясно соображать.

Боже, какая же я неудачница, потому что поцелуй со мной — наверняка последнее, о чем он сейчас думает. Он остался здесь, чтобы посмотреть «Крепкий орешек», а не позабавиться с первокурсницей, которая еще час назад сравнила его с чертовым Тедом Банди.

Я заставляю себя сосредоточиться на фильме, но уже с ужасом жду концовки, потому что тогда Логану нужно будет уходить.

Но когда по экрану начинают ползти финальные титры, он остается сидеть на месте.

— Ну, так в чем дело? — глядя на меня, спрашивает Логан.

Я нахмуриваюсь:

— Что ты имеешь в виду?

— Сегодня вечер пятницы — так почему ты сидишь здесь и смотришь боевики?

Вопрос заставляет меня ощетиниться:

— А что в этом плохого?

— Ничего. — Парень пожимает плечами. — Мне просто любопытно, почему ты не на какой-нибудь вечеринке, например.

— Я была на вечеринке вчера. — Не говори ему, что видела его, не говори ему, что видела его. — Кстати, видела там тебя.

Он, кажется, ошарашен:

— Меня?

— Да. В доме «Омеги-Фи».

— А-а. Но я не помню, чтобы встречал там тебя. — Парень виновато смотрит на меня. — Вообще-то я мало что помню. Напился в хлам.

Мне немного обидно, что он не помнит нашу короткую встречу у ванной комнаты, но я тут же ругаю себя за это чувство. Он был пьян и только что перепихнулся с другой девушкой.

Конечно, я не произвела на него никакого впечатления.

— Повеселилась на вечеринке?

Впервые за все то время, как парень вошел в мою комнату, в его голосе звучат неловкие нотки, словно он старается поддержать беседу, но ему не по себе.

— Думаю, да. — Я умолкаю. — Вообще-то беру свои слова обратно. Мне было весело до того момента, как я по полной не опозорилась перед одним парнем.

Сконфуженное выражение исчезает с его лица, когда он усмехается:

— Да? А что ты сделала?

— Я болтала. Без остановки. — Я чуть пожимаю плечом. — У меня есть очень плохая привычка — много и бездумно трещать в присутствии парней.

— Сейчас ты не трещишь, — замечает он.

— Да, сейчас. Ты забыл, как два часа назад я произнесла целую речь о серийных убийцах?

— Поверь мне, я помню. — Его ухмылка заставляет мой пульс ускориться. Боже, какая у него сексуальная улыбка — один уголок губ поднимается чуть выше, и каждый раз, когда он улыбается, в его глазах появляется озорной блеск. — Я ведь больше не заставляю тебя нервничать, правда?

— Нет. — Это ложь. Он заставляет меня нервничать, еще как. Ведь он Джон Логан, один из самых популярных парней в Брайаре. А я какая-то там Грейс Айверс, одна из тысяч девушек, запавших на него.

Его взгляд снова скользит по мне — горячий, медленный, внимательный, и по моей коже словно пробегают электрические разряды. Сейчас в его глазах безошибочно читается интерес.

Следует ли мне сделать что-то?

Мне ведь лучше что-то сделать, да?

Может, наклониться ближе. Поцеловать его. Или попросить поцеловать меня? Я мысленно возвращаюсь во времена старшей школы, стараясь вспомнить все прежние поцелуи — делал ли первый шаг парень, с которым я целовалась, или то было обоюдное «о, сейчас мы поцелуемся». Но вот только ни один из тех парней не был и наполовину таким же классным, как этот.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

Звук его хриплого голоса застает меня врасплох, и я понимаю, что почти целую минуту просто молча пялюсь на него.

У меня во рту так сильно пересохло, что мне приходится сплотнуть несколько раз и только потом ответить ему:

— Нет. В смысле ты можешь остаться, если хочешь. Мы посмотрим еще какой-нибудь фильм или...

Но я не заканчиваю предложение, потому что он придвигается ближе и касается моей щеки, лишая меня дара речи, и мой пульс тут же взлетает до небес.

Джон Логан касается моей щеки.

Мозолистые подушечки его пальцев грубо царапают мою кожу, а как хорошо от него пахнет! Я теряю голову, стоит мне лишь вдохнуть легкий аромат его лосьона после бритья.

Он нежно поглаживает мою скулу, и мне приходится взять себя в руки, чтобы не замурчать, как изголодавшаяся по ласке кошка.

— Что ты делаешь? — шепчу я.

— Ну, ты смотрела на меня так, словно хотела, чтобы я поцеловал тебя. — Его голубые глаза изучают меня из-под полуприкрытых век. — И я подумал, что должен это сделать.

Мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди, так лихорадочно бьется оно о ребра. Пульс бешено стучит в ушах.

О боже.

Он хочет поцеловать меня?

— Или я не так тебя понял? — спрашивает он.

Я снова сглатываю, пытаюсь успокоить скачущее галопом сердце. Попытаться ответить не вариант. Горло словно сжато тисками. И хотя мои двигательные способности тоже утрачены, мне удастся покачать головой.

Парень смеется, и мое лицо овевает его теплое дыхание.

— Это значит, я правильно тебя понял, или мне все же не нужно целовать тебя?

Каким-то волшебным образом я умудряюсь ответить, и даже полным предложением:

— Я хочу, чтобы ты поцеловал меня.

Он, усмехнувшись, придвигается ближе, вытягивается на боку, а меня осторожно толкает на спину. Каждый нерв в моем теле напряжен в предвкушении, когда парень нависает надо мной, а когда его ладонь опускается на мое бедро, по мне прокатывается волна дрожи.

Его губы растягиваются в улыбке. Губы, которые все ближе и ближе к моим губам. Несколько сантиметров. Несколько миллиметров.

И вот его рот касается моего — господи! я целую Джона Логана!

Почти тут же мое сознание переполняется мыслями, которых так много, что невозможно сосредоточиться на какой-то одной. Я слышу нескончаемые лекции своего отца о том, что нужно уважать себя и вести себя прилично, не пускаться во все тяжкие во время учебы в колледже. А потом бодрый голос моей мамы велит мне веселиться и жить на полную катушку. А где-то между ними вопит еще один голос, восторженный: «Ты целуешься с Джоном Логаном! Ты целуешься с Джоном Логаном!»

Его теплые твердые губы прилипают к моим. Сначала осторожно. Нежное, чувственное поддразнивание, которое вызывает у меня жалобный стон. Он облизывает мою нижнюю губу, чуть прикусывает, а потом проводит кончиком языка между губ. На вкус он как мармеладка, и от этого я снова всхлипываю. Когда его язык наконец оказывается у меня во рту, он издает хриплый стон, который прокатывается по моему телу и расплывается внизу живота.

Целоваться с Логаном — самое невероятное из всего, что мне приходилось испытывать. Что там семейная поездка в Египет, когда мне было девять! Величественные пирамиды и храмы, да даже чертов Сфинкс не сравнятся с ощущениями, которые вызывают поцелуи этого парня.

Наши языки встречаются, и он снова издает низкий, хриплый стон, а его рука поднимается по моему телу и обхватывает левую грудь. Ох, черт. Тревога! Он лапает мои сиськи. Я думала, мы будем просто страстно целоваться, но, оказывается, мы уже перешли к страстным ласкам.

Под моей майкой нет лифчика, поэтому, когда его большой палец задевает тонкую ткань и нажимает на мой сосок, волна жара прокатывает вниз прямо к моему клитору. Все мое тело напряжено и горит от желания. Язык Логана исследует мой рот, его пальцы сжимают разбухший сосок, а бедра скользят вдоль моего бедра. Его эрекция словно горячее клеймо

вжимается в мою ногу, и я невероятно возбуждена от осознания того, что возбуждаю его.

Тяжело дыша, он отстраняется от меня.

— Нам нужно беспокоиться, что твоя соседка по комнате вернется и увидит нас?

— Нет, сегодня она не вернется. Она отправилась в какой-то бар в городе, а потом собиралась остаться ночевать у той девчонки из Каппа-Беты, Кейтлин. Что, по-моему мнению, ужасная идея, потому что в последний раз, когда они с Кейтлин тусовались вместе, их чуть не арестовали за пьянство в публичном месте, но Рамона пофлиртowała с копом, и...

Логан закрывает мне рот поцелуем.

— «Нет» было бы достаточно, — шепчет он мне в губы. Потом берет мою руку и кладет прямиком на огромную выпуклость в своих штанах. И в ту же самую секунду его рука обхватывает мою промежность.

Ох, блин. Тревога! Действия ниже пояса.

Я не переживаю за свою реакцию на положение его руки: одно движение его ладони — и этого хватает, чтобы меня накрыло шквалом удовольствия. Не-ет, меня нервирует моя собственная рука. Та самая, которая сейчас поглаживает член Логана, выпирающий под ширинкой его штанов.

Мне уже доводилось удовлетворять парней рукой, плюс еще несколько минетов, что, по-моему, является большим достижением, потому что... ну, сперма и все такое. Но у меня не настолько много опыта, чтобы считать себя экспертом по ублажению пенисов или типа того. Все эти прошлые эскапады включали пенис одного и того же парня, моего бойфренда из старшей школы Брендона, который был таким же «опытным», как и я.

Но если слухи о Логане правдивы, то этот парень переспал с половиной девчонок Брайара. Количество кажется запредельно завышенным, и я уверена, что это не точная цифра, но определенно у него было больше сексуальных партнеров, чем у меня.

— Все нормально? — спрашивает он, поглаживая меня между ног.

Я киваю и поглаживаю его, и он издает мученический стон.

— Черт, подожди.

Он меняет позу, и мое сердце останавливается, когда Логан расстегивает ширинку своих джинсов. Он стягивает их вниз как раз настолько, чтобы высвободить из боксеров свою эрекцию, а потом стягивает вниз и мои пижамные штаны.

Через секунду его рука скользит по моему обнаженному телу, спускаясь к моей промежности, и мои бедра непроизвольно поднимаются, чтобы быть ближе к нему.

Логан проводит указательным пальцем по моему клитору, сводя меня с ума.

— Лучше? — Его голос звучит низко и хрипло.

Намного лучше. Настолько, что у меня кружится голова и моей ответ ограничивается невнятным бормотанием.

Улыбаясь моему неразборчивому лепету, он наклоняется и снова меня целует. Потом берет мою руку и подносит к своей эрекции, осторожно оборачивая мои дрожащие пальцы вокруг своего члена. Он длинный и твердый, его гладкая горячая плоть с легкостью скользит в моем сжатом кулаке.

Мое тело охвачено огнем. Волны возбуждения прокатываются в нижней части живота, а когда Логан вставляет в меня свой средний палец, мои внутренние мышцы тут же сжимаются вокруг него. Напряжение настолько сильно, что я забываю как дышать.

Мы не перестаем целоваться. Даже когда не хватает воздуха. Мы задыхаемся, но наши языки продолжают переплетаться, а руки не перестают двигаться. Его большой палец

нажимает на мой клитор, а средний двигается внутри меня. Удовольствие вихрем поднимается и становится все сильнее — натянутый узел предвкушения заставляет меня отвечать ему.

Проходят минуты. А может, часы. Я понятия не имею, потому что целиком погружена в эти невероятные ощущения. Я поглаживаю его член, каждый раз сжимая распухшую головку, и вот его бедра тоже приходят в движение, и он хрипло произносит:

— Быстрее.

Я увеличиваю темп, и парень, с низким стоном, двигается в моей руке. Его дыхание щекочет мои губы, когда Логан прерывает поцелуй. Его глаза закрыты, на лице застыло напряженное выражение, а его зубы вонзаются в нижнюю губу.

— Я сейчас кончу, — бормочет он.

Между моих ног разливается возбуждение, и я знаю, Логан чувствует, какая я мокрая, потому что он снова издает стон и его палец вонзается в меня еще глубже, еще быстрее. Еще несколько секунд, и парень падает на меня, упираясь лбом в мое плечо, а его бедра подаются вперед и замирают.

Моя ладонь вся мокрая, его глаза медленно открываются, и от его сонного, довольного вида у меня перехватывает дыхание. Боже правый! По-моему, я еще никогда не видела ничего более сексуального, чем Джон Логан сразу же после оргазма.

Когда наши взгляды встречаются, он по-прежнему тяжело дышит.

— Ты кончила?

Черт. Точно. Палец Логана все еще внутри меня. Уже больше не двигается, но напоминает об оргазме, к которому я почти подошла перед тем, как отвлеклась на то, как он кончал: на его возбужденные движения бедрами и на сексуальные звуки, которые слетали с его губ.

Но мне слишком неловко признаваться, что я не успела. А так как он уже кончил, я не осмеливаюсь попросить его продолжать.

Поэтому просто киваю и говорю:

— Угу. Конечно.

В его глазах мелькает тень сомнения, но я и моргнуть не успеваю, как он быстро садится и говорит:

— Мне пора идти.

Я стараюсь заглушить в себе чувство досады и разочарования. Серьезно? Он даже не может задержаться на несколько минут и чуть-чуть поболтать? Настоящий принц, ничего не скажешь.

Теперь ситуация кажется еще более неловкой. Парень вытаскивает из коробки на тумбочке салфетку и вытирается. Я стараюсь казаться спокойной и бесстрастной, когда натягиваю штаны и наблюдаю, как он делает то же самое. Мне даже удается непринужденно улыбаться, когда он вызывает такси по моему телефону. К счастью, Логан дозванивается сразу же, а это означает, что этот неловкий момент не продлится долго.

Я провожаю его до двери, где парень на секунду задерживается.

— Спасибо, что позволила мне остаться, — неожиданно мрачно говорит он. — Было весело.

— Э-э-э, да. Мне тоже.

И дверь за ним закрывается.

Когда я захожу к себе в спальню после утреннего душа, раздаётся телефонный звонок. А зная, что мои сверстники предпочитают эсэмэски, мне даже не нужно смотреть на экран, чтобы узнать, кто это.

— Привет, мам. — Удерживая полотенце, я направляюсь к комоду.

— Мам? Чудеса да и только! Значит, это все-таки правда. То есть да, мне казалось, что двадцать один год назад я родила чудесного малыша, но это, скорее, похоже на сон. Потому что если бы у меня был сын, то он наверняка звонил бы мне чаще чем раз в месяц, как думаешь?

Я смеюсь, несмотря на жалящее чувство вины. Она права. В последнее время я веду себя как никудышный сын — со всеми этими межсезонными тренировками и курсовыми звоню ей не так часто, как следует.

— Прости, — с искренним сожалением говорю я. — В конце семестра мне катастрофически не хватает времени.

— Я понимаю. Поэтому и не достаю тебя звонками сама. Ты хорошо готовишься к экзаменам?

— А то! — Ну да, конечно. Я еще не открывал ни одной книги.

Мама словно видит меня насквозь:

— Не вешай мне лапшу на уши, Джонни.

— Ладно, я еще даже не начинал, — приходится признаться мне. — Но ты же знаешь, что я лучше работаю под давлением. Повиси секунду, ладно?

— Хорошо.

Я откладываю телефон и сбрасываю полотенце, а затем натягиваю на бедра спортивные штаны. Мои волосы все еще мокрые, с них на грудь капает вода, так что я сначала вытираю голову и только потом снова беру телефон:

— Я тут. Ну что, как работа? Как Дэвид?

— Хорошо и отлично.

Следующие несколько минут она рассказывает мне о своей работе — мама работает управляющим в ресторане в Бостоне, — а потом о том, как поживает мой отчим. Дэвид бухгалтер, и он настолько скучен, что порой с ним бывает тяжело. Но он всем сердцем любит маму и обращается с ней как с королевой, поэтому я не могу ненавидеть этого парня.

В конце концов она добирается до моих планов на лето и начинает говорить настороженно, как всегда, когда дело касается папы:

— Как я понимаю, ты снова будешь работать у своего отца?

— Да. — Я стараюсь, чтобы мои слова звучали непринужденно. Мы с моим братом давно договорились не рассказывать маме правду.

Ей не обязательно знать, что папа снова пьет, и мне не хочется, чтобы она вспоминала о неприятном прошлом. Она уже прошла через это, и теперь пусть эти проблемы больше ее не касаются. Мама заслужила свое счастье, и каким бы нудным ни был Дэвид, он делает ее счастливой.

Уорд Логан же, наоборот, делал ее несчастной. Он ни разу не ударил ее, не оскорбил, но ей приходилось в одиночку разбираться с его неприятностями, справляться с его пьяными истериками и постоянными визитами в центр реабилитации. Именно ей приходилось

поднимать его с пола и тащить в кровать, когда он пьяный в стельку приходил домой и вырубался прямо в прихожей.

Черт, я никогда не забуду один случай. Мне было лет восемь или девять. Часа в два ночи папа позвонил домой. Заплетающимся языком он нес какой-то бред, потому что до беспамятства напился в баре, сел в машину, но понятия не имел, где находится. Была середина зимы, но мама не захотела оставлять нас с братом одних дома. Она закутала нас потеплее, и мы втроем ездили несколько часов по городу в поисках отца — нам была известна лишь половина названия улицы, потому что вывеску занесло снегом, а он был слишком пьян, чтобы счистить его.

Помню, что после того, как мы отыскали его и загрузили в мамину машину, я сидел на заднем сиденье и впервые почувствовал то, чего еще никогда не чувствовал, — жалость. Я жалел своего отца. И не стану отрицать, мне стало легче, когда на следующий день мама отправила его в реабилитационный центр.

— Надеюсь, милый, он будет платить тебе соответственно, — расстроенным голосом говорит мама. — Вы с Джеффри так подолгу работаете в гараже.

— Конечно он нам платит. — Но можно ли назвать эту оплату достойной? Нет, черт побери. Мне хватает на то, чтобы платить за аренду жилья, и на расходы в течение учебного года, но эта сумма определенно меньше той, что я должен получать за работу по полной занятости.

— Хорошо. — Она медлит. — А ты сможешь выкроить недельку, чтобы навестить нас?

— Я планирую, — успокаиваю я ее. Мы с Джефом уже составили такой график, чтобы у каждого из нас осталось время поехать в Бостон и провести немного времени с мамой.

Мы болтаем еще несколько минут, и затем, отключившись, я спускаюсь вниз, чтобы перекусить. Я готовлю себе скучнейшую кашу из пшеничных хлопьев без сахара, которую заставляет нас есть Такер, потому что, по какой-то причине, он противник сладкого. Я устраиваюсь за стойкой, и мои мысли тотчас возвращаются к тому, что случилось вчера ночью.

Свалить от Грейс через пять секунд после того, как она довела меня до оргазма, было настоящей подлостью. Но мне нужно было уйти оттуда. Как только я пришел в себя, моей первой мыслью было: «Какого черта я тут делаю?». Нет, правда. Конечно, Грейс классная — и сексуальная, и забавная, — но неужели я пал так низко, что теперь трахаю пальцем случайных девушек, с которыми даже не знаком? И в этот раз я даже не могу оправдаться алкоголем, потому что был трезвым как стеклышко.

А самое худшее во всем этом? Она, черт подери, даже не кончила.

Вспоминая об этом, я стискиваю зубы. Она очень страстно стонала, да, но я уверен на девяносто девять процентов, что не кончила, несмотря на то, что сказала мне совсем другое. Или, вернее, солгала. Потому что когда женщина бормочет что-то невнятное, типа «угу», на твой вопрос, получила ли она оргазм, это называется ложью.

А это ее уклончивое «да, мне тоже» на мою фразу о том, что нам было весело? Вот пример того, как ранить мужское самолюбие. Она не только не кончила, но и моя компания не особо пришлась ей по душе?

Я не знаю, как к этому относиться. Нет, конечно, я не идиот. Я не живу в волшебном пузыре, где оргазмы сыплются с неба прямиком в кровать женщины каждый раз, когда она занимается сексом. Я знаю, что иногда они его имитируют.

Но я с полной уверенностью могу заявить от лица большинства мужчин: мне нравится

думать, что они не имитируют его в постели со мной.

Проклятье. Мне следовало взять ее номер телефона. Почему, черт побери, я не попросил ее номер?

Но и на этот вопрос ответ мне известен. Последний месяц у меня ни разу не возникало желания взять номер телефона у девушки, с которой я только что переспал. А точнее, я был слишком пьян до, во время и после секса, чтобы даже вспомнить об этом.

Глухой звук шагов, доносящийся из коридора, вырывает меня из моих мыслей, и я поднимаю глаза как раз в тот момент, когда в кухню входит Гаррет.

— Здорово, — говорит он.

— Здорово. — Я засовываю в рот полную ложку каши и изо всех сил стараюсь не обращать внимания на охватившее меня ощущение дискомфорта и одновременно ненавижу себя за это чувство.

Гаррет Грэхем — мой лучший друг. Бога ради, я не должен испытывать дискомфорт в его присутствии!

— Так чем в итоге ты занимался вчера вечером? — Он достает из верхнего шкафчика пиалу, из выдвижного ящика — ложку и садится за стойку рядом со мной.

— Тусовался с одной девчонкой, — отвечаю я, проглотив безвкусные хлопья. — Мы смотрели кино.

— Круто. Я ее знаю?

— Не, мы только вчера познакомились.

И скорее всего я больше никогда не увижу ее, потому что оказался эгоистом в постели и, судя по всему, плохой компанией.

Гаррет насыпает в пиалу немного хлопьев и тянется за пакетом молока, который я не убрал в холодильник.

— Слушай, а ты уже созванивался с тем агентом?

— Нет еще.

— Почему?

Потому что в этом нет никакого смысла.

— Потому что пока не было времени. — Мой ответ звучит резче, чем мне хотелось бы, и в глазах Гаррета мелькает обида.

— Не нужно на меня набрасываться. Я просто спросил.

— Прости. Я... прости. — Ага, вот я все и объяснил.

Заглушив стон, я зачерпываю еще ложку каши. Между нами повисает тишина, но вот Гаррет откашливается:

— Слушай, я все понимаю, ладно? Тебя не отобрали в НХЛ, и это отстой. Но мир же не рухнул. Ты свободен от обязательств, не связан с конкретной командой, а значит, ты можешь подписать контракт с любой, которая захочет тебя заполучить. И по-любому такие команды найдутся.

Он прав. Я уверен, что многие команды захотели бы, чтобы я играл за них. И уверен, что какая-нибудь даже заявила бы на меня свои права — если бы я принял участие в драфте^[4].

Но Гаррет об этом не знает. Он думает, что последние два года я просто пропускал это мероприятие, и — я уже говорил, какой я дерьмовый друг? — я позволяю ему так думать. Потому что, как бы по-дурацки это ни звучало: то, что мой лучший друг верит, будто меня до сих пор не отобрали, вгоняет меня в куда меньшую депрессию, чем если бы я признался, что никогда не буду играть за профессионалов.

Понимаете, у Гаррета был выбор, соглашаться или нет. Он хотел получить диплом, отказавшись от всех соблазнов, которые предлагает драфт. Многие игроки студенческих команд бросают учебу в тот же самый момент, когда профессиональная команда заявляет о своих правах на них. И сложно поступить иначе, когда команда из НХЛ делает все возможное, чтобы убедить тебя побыстрее распрощаться с колледжем. Но Гаррет умный парень. Он понимает, что, сделав этот шаг, потеряет право на членство в Национальной ассоциации студенческого спорта, а еще понимает, что подписание контракта с командой не означает моментального успеха или даже участия в играх.

Черт, да мы оба знаем, что случилось с Крисом Литтлом, членом нашей команды. Мы с Гарретом тогда были на первом курсе. Чувак попал в драфт, ушел в профессиональный хоккей, проиграл полсезона — а что потом? Из-за серьезной травмы ему пришлось завершить карьеру. Навсегда. И теперь Литтл не только никогда не встанет на лед, но даже все заработанное по этому контракту, ушло на лечение. И, насколько я знаю, он вернулся в университет, чтобы получить-таки специальность. Будет сварщиком или типа того.

Так что — да, Гаррет разыграл все по уму. А я? Я с самого начала знал, что не буду играть в профессиональный хоккей.

— Я к чему: Грецки тоже не прошел драфт, и посмотри, чего он достиг. Этот мужик — легенда! Его по праву можно назвать лучшим игроком в истории хоккея.

Гаррет все говорит и говорит, стараясь «обнадежить» меня, и я разрываюсь между тем, чтобы рывкнуть на него и попросить заткнуться или изо всех сил обнять его, потому что этот парень потрясающий друг.

Но вместо этого с языка слетает очередная ложь:

— Я позвоню агенту в понедельник.

Он удовлетворенно кивает:

— Хорошо.

И снова повисает тишина. Мы загружаем наши тарелки в посудомоечную машину.

— Слушай, сегодня вечером мы собираемся в «Малоун», — говорит Гаррет. — Я, Уэллси, Так и, может, Дэнни. Ты пойдешь?

— Не могу. Мне нужно уже начинать готовиться к экзаменам.

Печально, но я уже теряю счет вещам, о которых лгу своему лучшему другу.

* * *

— Прости, ты можешь повторить? — Рамона пялится на меня в полнейшем неверии, ее изумленные глаза напоминают два черных блюда.

Я пожимаю плечами, как будто не сообщила ей только что ничего особо важного.

— Вчера вечером заходил Джон Логан.

— Вчера вечером заходил Джон Логан, — эхом отзывается она.

— Да.

— Он пришел в наше общежитие.

— Да.

— Ты была в этой комнате, и он пришел, и вы были вместе. В этой комнате.

— Да.

— То есть Джон Логан объявился у нашей двери, вошел к нам и был здесь. С тобой. Тут. Я давлюсь от смеха:

— Да, Рамона. Мы уже определили тот факт, что он был здесь. В этой самой комнате.

У нее открывается рот. Она закрывает его. Потом снова открывает и издает такой оглушительный вопль, что я удивлена, что вода в моем стакане не задрожала, как в одной из сцен фильма «Парк Юрского периода»^[5].

— О боже! — Подруга подбегает к моей кровати и плюхается на матрас. — Рассказывай все!

Она даже не переоделась, вернувшись с вечеринки: на Рамоне все то же крошечное подобие платья, которое неприлично вздергивается, когда она садится, и серебристые туфли на шпильках, которые подруга в возбуждении скидывает.

Когда Рамона вошла в нашу комнату, я выдержала целых три секунды прежде чем выложить ей новости, но сейчас, когда она смотрит на меня в радостном волнении, мое горло сжимается — так мне не хочется ей что-то рассказывать. Внезапно мне становится неловко рассказывать ей обо всем, что произошло прошлым вечером, потому что... ну... ладно, я просто скажу: потому что это было разочарованием.

Я с удовольствием посмотрела с ним кино. И мне понравилось целоваться с ним и все такое — по крайней мере, до тех самых заключительных моментов, — но вот парень кончил и тут же ушел. Кто так делает?

Неудивительно, что он занимается сексом на вечеринках братств. Наверное, его девушки оказываются слишком пьяными, чтобы заметить, был у них оргазм или нет. Слишком пьяными, чтобы понять, что Джон Логан — это просто красивая упаковка и ничего более.

Но я уже проговорила, и теперь мне придется довести дело до конца и рассказать Рамоне еще что-нибудь. И вот пока она таращится на меня во все глаза, я объясняю ей, как Логан ошибся дверью и в итоге остался посмотреть фильм.

— Вы смотрели кино? И все?

Я чувствую, как по щекам разливается румянец:

— Ну...

Рамона снова дико взвизгивает:

— О боже мой! Ты с ним переспала?!

— Нет, — спешу ответить я. — Конечно нет. Я едва его знаю. Но... ладно, мы целовались, с языком.

Я сомневаюсь, стоит ли рассказывать дальше, но и этого откровения хватает, чтобы у Рамоны засветились глаза. Она похожа на ребенка, которому только что подарили его первый велосипед. Или пони.

— Ты целовалась с Джоном Логаном! Ууу-ху! Это так круто! Он хорошо целуется? Он снял футболку? А штаны?

— Не-а, — вру я.

Моя лучшая подруга больше не может спокойно сидеть на месте. Она спрыгивает с кровати и начинает скакать вокруг меня.

— Я поверить не могу! Я поверить не могу, что меня здесь не было и я этого не видела!

— Ты стала увлекаться вуайеризмом? — сухо спрашиваю я.

— Стала бы я подглядывать за Джоном Логаном? О да! Я часами смогла бы наблюдать, как вы двое целуетесь. — Внезапно Рамона охает: — О боже, напиши ему прямо сейчас и попроси прислать фотку его члена!

— Что? Нет!

— О, да брось, наверняка он будет польщен... — Она снова охает. — Нет, напиши ему и пригласи сюда! И пусть прихватит с собой дина.

Я не хочу разочаровывать ее, но, учитывая, как быстро свалил Логан прошлой ночью, мне не остается другого выхода, кроме как рассеять все иллюзии Рамоны.

— Я не смогу, даже если захочу, — признаюсь я. — Я не взяла его номер телефона.

— Что?! — Она шокирована. — Ты с ума сошла? Ну хоть свой-то ты ему дала?

Я качаю головой:

— У него с собой не было трубки, так что у меня не было возможности дать ему свой номер.

На мгновение Рамона затихает. Пронзительные карие глаза смотрят на меня прищурившись, словно она пытается проложить телепатический канал к моему мозгу.

Я неловко ерзаю на месте:

— Что?

— Давай начистоту, — медленно произносит Рамона. — Он правда был здесь?

Меня накрывает волной шока:

— Ты шутишь?

Когда она едва уловимо ведет плечом, мой шок перерастает в ужас:

— Зачем бы я стала это придумывать?

— Не знаю... — Рамона заправляет за ухо прядь темных волос — очевидно, что ей неловко. — Просто... ну, он старше нас и такой горячий, а вы не обменялись номерами телефонов...

— И это означает, что я вру? — Вне себя от обиды, я вскакиваю на ноги.

— Нет, конечно нет. — Она дает задний ход, но уже слишком поздно. Я зла и направляюсь к двери. — Куда ты идешь? — жалобно спрашивает Рамона за моей спиной. — О, ну хватит, Грейси. Я верю тебе. Незачем так злиться и куда-то убегать.

— Я не убегаяю. — Я бросаю на нее сердитый взгляд через плечо и хватаю свою сумку. — Через пятнадцать минут у меня встреча с папой. Мне и правда нужно уходить.

— Честно? — скептически спрашивает она.

— Да. — Я заставляю себя не смотреть на подругу волком. — Но это не значит, что сейчас я на тебя не злюсь.

Она бросается ко мне и обнимает прежде, чем мне удастся ее остановить, да стискивает

так сильно, что мои легкие лишаются притока воздуха. Это одно из ее фирменных извинительных обьятий, которым я уже потеряла счет.

— Пожалуйста, не злись на меня, — умоляет Рамона. — Прости, что я спросила. Я знаю, ты не стала бы придумывать это. А когда ты вернешься, я хочу услышать все подробности, договорились?

— Да... договорились, — бормочу я, но не потому, что хочу, а потому, что мне нужно убраться отсюда, пока я не ударила ее по лицу.

Она отстраняется, на ее лице читается облегчение:

— Круто. Тогда до скоро...

Я выхожу из комнаты до того, как Рамона успевает закончить фразу.

Когда я захожу в «Кофе-Хат», папы еще нет, поэтому я заказываю себе зеленый чай и нахожу нам два уютных местечка в углу. Субботнее утро, и в кофейне пусто. Что-то мне подсказывает, что большинство людей сейчас борются с похмельем после пятничной ночи.

Когда я усаживаюсь в плюшевое кресло, над дверью звенит колокольчик и входит мой отец. На нем неизменный коричневый пиджак и накрахмаленные брюки цвета хаки — этот его наряд моя мама называет «а-ля серьезный профессор».

— Привет, милая, — машет он мне. — Погоди, я возьму себе кофе.

Через минуту папа присоединяется ко мне за нашим столиком в углу, и вид у него более изможденный, чем обычно.

— Прости, что опоздал. Я зашел в кабинет, чтобы взять кое-какие бумаги, и там меня перехватила одна студентка. Хотела обсудить свою курсовую работу.

— Все нормально. Я сама только что пришла. — Я открываю крышку своего стакана, и пар поднимается мне в лицо. Подув на горячую жидкость, я делаю быстрый глоток. — Как прошла неделя?

— В суматохе. Я засомневался в качестве сданных работ, так что добавил себе рабочих часов, чтобы студенты могли задать вопросы по экзаменационному материалу. Каждый день оставался в университете до десяти вечера.

Я хмурюсь:

— Ты ведь в курсе, что у тебя есть ассистент? Он не может помочь?

— Может, но ты же знаешь, что мне нравится работать с моими студентами.

Да, я это знаю и уверена: именно поэтому все папины студенты так сильно его любят. Он преподает молекулярную биологию в магистратуре Брайара — курс, который, по идее, вряд ли может вызвать особый интерес у студентов. И тем не менее, чтобы записаться на занятия, выстраивается целая очередь. За эти годы мне не раз довелось побывать на его лекциях, и, должна признаться, у него получается превратить ужасно скучный материал в нечто увлекательное.

Папа делает глоток кофе, глядя на меня поверх стаканчика:

— Значит, так, я зарезервировал нам столик в «Ферро», на шесть тридцать в пятницу. Это подходит имениннице?

Я закатываю глаза. Я очень не люблю дни рождения. Мне достаточно скромного празднования, или — самое идеальное — лучше вообще обойтись без него, но моя мама — монстр дней рождения. Вечеринки-сюрпризы, подарки-розыгрыши, поющие официанты в ресторанах... она может обречь вас на невиданное количество всевозможных мучений. По моему, она получала удовольствие оттого, что ставила свою единственную дочь в неловкое положение. Но после того как три года назад мама переехала в Париж и я больше не могу проводить свои дни рождения с ней, она взвалила обязанности по моему унижению на моего отца.

— Именинница согласна только в том случае, если ты пообещаешь, что ей никто не будет петь.

Папа приходит в ужас:

— Господи, ты думаешь, я смог бы это выдержать?! Ни за что, милая. Мы просто вкусно и спокойно поужинаем, а когда ты будешь потом говорить об этом вечере со своей мамой, то

можешь сказать ей, что у нашего столика тебе пел целый ансамбль мариачи^[6].

— Договорились.

— Точно ничего страшного, что мы не поужинаем в твой настоящий день рождения?

Если ты хочешь отпраздновать в среду, то я могу отменить дополнительные часы.

— В пятницу будет отлично, — убеждаю я папу.

— Ну и славно, значит, определились. О, и вчера я снова говорил с твоей мамой, — добавляет он. — Она спрашивала, не передумала ли ты перенести свой приезд на май. Она была бы рада, если бы ты приехала на три месяца вместо двух.

Я медлю в нерешительности. Мне очень хочется поехать к маме этим летом — но на три месяца? Даже два — это уже много, и именно поэтому я настояла на том, чтобы вернуться в первую неделю августа, хотя занятия не начнутся до сентября. Не поймите меня неправильно, я обожаю свою маму. Она веселая и непосредственная, и такая энергичная и воодушевляющая, что создается впечатление, будто с тобой постоянно находится твоя собственная группа поддержки, размахивающая своими помпонами. Но еще она очень... утомительная. Мама словно маленькая девочка в теле взрослой женщины, которая следует каждому своему порыву, не думая о последствиях.

— Можно, я подумаю? — прошу я. — Мне нужно решить, хватит ли мне энергии, чтобы поспеть за ней.

Папа усмехается:

— Мы оба знаем, что ответ «нет». Ни у кого не хватит энергии, чтобы угнаться за твоей мамой, милая.

У него точно не хватило, но, к счастью, их развод состоялся по исключительно обоюдному согласию. Мне кажется, что, когда мама сообщила папе, что хочет развестись, он скорее испытал облегчение, нежели расстроился. А когда она решила переехать в Париж, чтобы «найти себя» и «вновь воссоединиться со своим искусством», он лишь поддержал ее в этом.

— Я дам тебе знать на выходных, хорошо? — Я тянусь за стаканом с чаем, но моя рука замирает, когда колокольчик звенит снова.

Входит темноволосый парень в свитере хоккейной команды Брайара, и на мгновение мое сердце останавливается, потому что мне кажется, это Логан.

Но нет. Это кто-то другой. Ниже ростом, массивнее и не настолько потрясающе красивый.

По мне прокатывается волна разочарования, но я отгоняю ее. Даже если бы в эту дверь вошел Логан, что бы произошло? Он бы подошел и поцеловал меня? Попросил пойти с ним на свидание?

Ну конечно-е-ечно. Прошлым вечером я подарила парню оргазм, а он не задержался даже на столько, чтобы поцеловать меня на прощание. Так что придется смириться с фактом: я просто еще одна девушка в длинном списке завоеваний Джона Логана.

И честно? Меня это вполне устраивает. Каким бы невпечатляющим это ни было, но быть, э-э-э... завоеванной Логаном — без сомнения, главное событие моего первого курса.

— Девушка когда-нибудь имитировала оргазм с тобой? — вырывается у меня. Сейчас утро понедельника, восемь часов, и я нервно постукиваю пальцами по кухонной столешнице, глядя на своего соседа.

Дин направляется к холодильнику, но останавливается так резко, что если бы сейчас на нем были коньки, то мне в лицо полетели бы кусочки льда.

— Прости, не расслышал. Что ты сказал?

Его лицо излучает полную невинность, и только когда я повторяю ему сказанное, понимаю, что он меня обдурил. Дин сгибается пополам, и по его лицу текут искренние слезы, в то время как его тело сотрясается от смеха.

— Я все понял с первого раза, — сквозь смех выдыхает он. — Просто хотел услышать, как ты спросишь это снова... о, черт... мне кажется, я сейчас обоссусь... — И из него вырывается новый приступ раскатистого гогота. — Ты трахнул девчонку, и она симитировала оргазм?

Я так сильно стискиваю зубы, что даже больно. Что, скажите на милость, заставило меня решить, что довериться Дину — хорошая идея?

— Нет, — бурчу я.

Друг все еще ржет как припадочный:

— А как ты узнал, что она симитировала? Она сказала тебе после? О боже, прошу, скажи «да»!

Я пялюсь в свою кружку с кофе:

— Она мне ничего не говорила. У меня просто такое ощущение, понял?

Дин открывает холодильник и вынимает картонную упаковку с апельсиновым соком, продолжая посмеиваться себе под нос:

— Это просто бесподобно. Один из самых известных бабников университета не смог заставить девушку кончить. Ты сейчас официально дал мне повод стебать тебя годами.

М-да, так и есть. Никто никогда не говорил, что я умный.

И почему, черт побери, я так заикнулся на этом? Все выходные я боролся с искушением увидеть Грейс. Я силой заставил себя готовиться к экзаменам. Я шесть часов играл с Таким в Ice Pro. Я даже убрался у себя в комнате и постирал одежду.

А сегодня утром открыл глаза и понял — я так больше не могу.

У меня талант, черт побери. Женщины знают, что после секса с Джоном Логаном уйдут с блаженной улыбкой на лице, и меня сводит с ума мысль о том, что Грейс осталась неудовлетворенной. Это грызло меня несколько дней. Дней, будь я проклят!

А знаете что? Да пошло оно все! У меня нет номера ее телефона, но я знаю, где она живет. А ведь я не смогу сегодня ни на чем сконцентрироваться, пока не исправлю это жуткую ситуацию.

Оставить девушку изнывать от желания — это не просто позорно. Это неприемлемо.

* * *

И вот через полчаса я стою напротив двери Грейс.

Появиться в общежитии девушки в половине девятого утра, должно быть, не лучший способ завоевать ее расположение, но мое глупое эго не позволяет мне уйти, и я, сделав вдох, стучу в дверь.

Через секунду мне открывает Грейс.

В одном лишь халате.

Ее глаза изумленно расширяются, когда она видит меня, а ее приветствие похоже на писк:

— Привет.

Проглотив ком в горле, я изо всех сил стараюсь не думать о том, что, скорее всего, под халатом она голая. Белая махровая ткань доходит до колен, пояс туго затянут вокруг талии, но верх чуть распахнулся, открывая моему взору зону декольте.

— Привет. — Мой голос звучит сипло, и я откашливаюсь. — Могу я войти?

— Гм. Конечно.

Грейс закрывает за мной дверь, затем разворачивается, и на ее губах играет смущенная улыбка:

— У меня не очень много времени. Через час начинается последний семинар по психологии, так что мне нужно одеваться — предстоит длинная дорога пешком через весь кампус.

— Ничего. У меня тоже не так много времени. Мой семинар начинается через полчаса. — Я засовываю руки в карманы, чтобы справиться с волнением. Я дико нервничаю, и понятия не имею почему. Раньше у меня никогда не возникало проблем при разговоре с девушками.

— Что случилось? — Грейс невозмутимо поправляет халат, словно осознав, что он вот-вот распахнется полностью.

— Ты ведь не кончила, да? — Вопрос слетает с моего языка прежде, чем я успеваю остановиться.

— Кончила что... — Она умолкает, а когда понимает, о чем речь, то заливается краской. — О. Ты имеешь в виду...

Я стискиваю зубы и киваю.

— Ну... нет, — признается она. — Не кончила.

Я старательно пытаюсь сохранять нейтральное выражение:

— Тогда почему сказала мне совсем другое?

— Не знаю. — Грейс вздыхает. — Ты уже кончил. И, думаю, мне не хотелось уязвить твое эго или еще что. Недавно я читала статью о том, как чувствительно мужчины воспринимают такие вещи. Что если женщина не достигает оргазма, это провоцирует возникновение у них чувства собственной неполноценности. Но ты знал, что около десяти процентов женщин вообще не испытывают оргазма во время сексуального акта? А значит, если исходить из этой статистики, мужчины на самом деле не должны чувствовать себя...

— Ты снова болтаешь.

На ее лице появляется виноватое выражение:

— Прости.

— Я не возражаю. Наоборот, даже рад, что ты волновалась о моем эго. — Я ухмыляюсь. — Это даже хорошо.

Она, похоже, ошарашена:

— Почему?

— Потому что все это время я только и думал о том, что не заставил тебя кончить. — Я пожимаю плечами. — И как сильно хочу это изменить.

В мгновение ока щеки Грейс из белоснежных становятся бледно-розовыми. У нее самое выразительное лицо из всех, что мне доводилось видеть. На нем сразу же отображается все, что она чувствует. Мне нравится, что я могу так легко ее прочесть, иначе затянувшееся молчание в ответ на мою последнюю фразу могло бы меня беспокоить. Но любопытство, промелькнувшее в ее глазах, подтверждает, что я не спугнул ее.

— Правда? — Она хмурится.

— Да. — Мои губы растягиваются в слабой улыбке, и я делаю шаг вперед. — Так ты позволишь мне или как?

По ее лицу пробегает тревога:

— Позволю что?

— Заставить тебя кончить.

Я с удовлетворением наблюдаю, как ее беспокойство сменяется разгорающимся волнением. О да, я совершенно ее не пугаю. Она возбуждена.

— Хм... — Она сдавленно усмехается. — Впервые в жизни парень приходит ко мне и просит о таком. Ты же понимаешь, насколько безумно это звучит, да?

— Ты говоришь о безумии? Я всю гребаную неделю провел в фантазиях о том, как делаю это. — В груди разрастается чувство досады. — Обычно я не веду себя так по-свински, понимаешь ли. Пусть я трахаюсь направо-налево, но всегда забочусь о том, чтобы моей женщине было хорошо.

Грейс вздыхает:

— Мне было хорошо.

— Но было бы еще лучше, если бы я не ушел сразу же после того, как кончил сам.

И вот она снова смеется, а вздыхаю я:

— Ты убиваешь меня, красавица. Я говорю тебе о том, как сильно хочу подарить тебе первоклассный оргазм, а ты смеешься надо мной? — Я ухмыляюсь. — Разве мы только что не установили, что мое эго очень ранимо?

Грейс продолжает улыбаться.

— По-моему, тебе уже нужно уходить, — напоминает она мне.

— Отсюда до библиотеки десять минут. А это значит, у меня есть двадцать минут. — Моя ухмылка становится прямо-таки дьявольской. — Если я не заставлю тебя кончить за двадцать минут, значит, определенно я делаю что-то не так.

Грейс, явно нервничая, играет прядью своих влажных темных волос. Мой взгляд опускается на ее губы, которые начинают блестеть, когда она проводит по ним языком. В крови закипает желание поцеловать ее, и повисшее в воздухе предвкушение настолько осязаемо, что мешает говорить.

Я делаю еще один шаг к ней:

— Ну так что?

— Э-э-э... — Ее дыхание становится вдруг прерывистым. — Давай. Если ты хочешь.

Я произвольно фыркаю:

— Конечно я хочу, черт побери! Но вот хочешь ли ты?

— Д-да. — Она откашливается. — Да.

Я придвигаюсь ближе, и ее глаза вновь вспыхивают. Она хочет меня. И я тоже ее хочу, но

приказываю своему в момент отвердевшему члену вести себя хорошо. Это не для нас, приятель. Только для нее.

Мой член дергается в ответ, но сейчас не его время. Если бы на ее месте была бы какая-то другая девушка, я, может, и предложил бы перепихнуться по-быстрому, но если мой Д-радар не сломан, то Грейс определенно еще девственница. И у меня не только нет сейчас на это времени, но еще я не очень-то горю желанием принять на себя ответственность быть ее первым.

Но это... я протягиваю руку к поясу ее халата и медленно тяну за него... это я вполне могу себе позволить.

И в этот раз я не собираюсь облажаться.

Я не распахиваю ее халат полностью. Просто проскальзываю рукой в пространство между махровой тканью и осторожно глажу ее обнаженное бедро. Как только я прикасаюсь к Грейс, по ее телу пробегает дрожь. Ее светло-карие глаза пристально смотрят на мое лицо, и когда моя ладонь снова легонько скользит по ее коже, она еле слышно стонет и придвигается ближе.

— Залезай на кровать, — хрипло говорю я и нежно подталкиваю ее назад.

Она садится на край матраса, но не ложится на спину. Ее взгляд по-прежнему устремлен на меня, словно она ждет, когда я отдам следующий приказ.

Выдохнув, я опускаюсь перед ней на колени и окончательно стягиваю с нее халат, сдвигая его с ее плеч. Воздух, который я только что выдохнул, врезается в мои легкие. Офигеть! От вида ее обнаженного тела мой член гудит. Грейс стройная, с изящными бедрами и длинными, ровными ногами, ее небольшую грудь украшают красивейшие розовые соски. Мой рот наполняется слюной, и я склоняюсь, чтобы провести языком по одному из сосков. Ничего не могу с собой поделаться. Мне нужно ощутить ее вкус.

— Ох, черт, — выдыхаю я в разбухший бугорок, а затем всасываю его губами.

Грейс стонет, выгибая спину и проталкивая грудь глубже в мой рот. Господи, мне хочется весь день сосать и играть с ее сиськами. Женская грудь всегда привлекала меня, и от мысли о том, чтобы вечно оставаться вот так, к головке моего члена приливает обжигающий жар. Но отчаянные движения бедер Грейс напоминают, что время идет. И черт побери, я не уйду, пока не заставлю ее кончить.

Я отпускаю ее сосок с чмокающим звуком и кладу ладони на ее бедра. Они начинают дрожать под моими пальцами, отчего я усмехаюсь:

— Ты в порядке?

Она молча кивает.

Удовлетворенный ответом Грейс, я раздвигаю ее ноги шире, а сам спускаюсь ниже, и мой рот уже рядом с ее киской.

Мгновенный стояк.

Черт, мне нравится удовлетворять девушку орально. Мне было пятнадцать, когда я впервые это сделал, и это так сильно возбудило меня, что я кончил в штаны. Сейчас я уже не такой скорострельный, но не стану отрицать, что ощущение гладкой, теплой киски Грейс под моим языком делает мой член невероятно твердым.

Я лижу ее клитор дразняще медленно, вызывая ее стоны. Грейс опирается на локти, закрыв глаза. Ее губы чуть приоткрылись, пульс бьется в центре горла, и всего этого достаточно, чтобы я продолжал дальше.

Мой язык перемещается вниз, к ее щелочке. Она совершенно мокрая. Проклятье.

Возможно, мне стоит обеспокоиться, не повторится ли вновь мое фиаско со штанами, потому что мои яйца сжались так сильно, что сейчас исчезнут.

Я стискиваю ягодицы, чтобы успокоить дикое покалывание в основании позвоночника и сосредоточиться на том, чтобы Грейс было хорошо. Я снова возвращаюсь к разбухшему бугорку, жаждущему моего внимания, нежно провожу по нему языком, целую и посасываю, следя за ее реакцией, чтобы понять, как именно ей нравится. Медленно и нежно. Звуки, которые она издает, становятся все более бессвязными, а бедра двигаются все быстрее, пока я дразню ее.

Но вот только от этого я и сам возбуждаюсь все сильнее, мой член уже до боли вжался в ширинку. К тому времени, когда мы закончим, на нем, будь он не ладен, останутся следы от молнии.

Я ввожу в нее кончик указательного пальца, и мое действие тут же вознаграждается хриплым громким стоном.

— Хорошо? — глядя снизу вверх на нее, мурлычу я.

Ее веки полуопущены.

— М-м-м-м.

Меня пронзает чувство удовлетворения, побуждая продолжать, сделать все, чтобы наслаждение обрушилось на нее. И я продолжаю. Нежно и дразняще касаюсь ее клитора, в то время как мой палец миллиметр за миллиметром погружается все глубже, пока не оказывается в ней целиком. Она узкая. Очень узкая. И мокрая. Боже. Очень мокрая.

И если она скоро не кончит, мои штаны тоже скоро станут мокрыми, потому что я так близок к тому, чтобы...

— Я кончаю, — стонет она.

И черт, да, она кончает. Ее клитор пульсирует под моим языком, а киска сжимается вокруг моего пальца как стальная перчатка. Грейс не любительница громких криков. Как и стонов, но эти едва уловимые звуки, что вырываются из ее горла, возбуждают куда больше, чем любые вопли, что издают порнозвезды.

Я переживаю ее оргазм вместе с ней, поглаживая ее внутри и посасывая ее клитор. Но она вдруг замирает. Через несколько секунд Грейс уже смеется и извивается, стараясь освободиться от моей хватки.

— Это слишком, — с трудом произносит она.

Я поднимаю голову, ухмыляясь:

— Прости.

— О боже, сейчас тебе запрещено говорить это слово. Только не после этого... — Она вбирает в себя воздух. — Это было... потрясающе. — Грейс медленно садится, ее глаза затуманены от удовольствия. — Я даже не знаю, что еще сказать. Спасибо?

Я давлюсь от смеха:

— Всегда пожалуйста?

Когда я встаю, ноги словно ватные. У меня по-прежнему жуткий стояк, но будильник на прикроватной тумбочке показывает, что у меня ровно одиннадцать минут, чтобы добраться до библиотеки. При любых других обстоятельствах я бы не стал волноваться о том, что опоздаю, но сегодня последний семинар перед завтрашним итоговым экзаменом по маркетингу, и мне никак нельзя его пропускать. Я и так пойду на экзамен с оценкой D за курс, так что пропуск занятия грозит пугающими последствиями, которые я не могу допустить. Этот курс — обязательное условие для получения степени, и у меня нет никакого

желания пересдавать его в следующем году.

— Мне нужно идти или я опоздаю на семинар. — Я встречаюсь глазами с Грейс. — Я могу взять твой номер телефона?

— О. Э-э-э...

Ее нерешительность вызывает во мне чувство мучительного беспокойства. Это один из редких случаев, когда я прошу у девушки номер ее телефона, а она не уверена, стоит ли его давать. После того, как я перевернул ее мир?

Господи. Неужели я теряю хватку?

Я поднимаю бровь и говорю с ноткой вызова:

— Конечно, если только ты хочешь мне его дать.

— Нет. То есть да, хочу. — Она закусывает нижнюю губу. — Ты хочешь его прямо сейчас?

Я заставляю себя рассмеяться и надеюсь, что мой смех звучит скорее игриво, чем нервно.

— Сейчас было бы отлично. — Я достаю из заднего кармана сотовый и открываю страницу с новым контактом. — Диктуй.

Она залпом произносит набор цифр. Так быстро, что мне приходится просить ее повторить. Я вбиваю ее имя и нажимаю кнопку подтверждения, а затем убираю телефон обратно.

— Может, как-нибудь потусим вместе? Посмотрим следующую часть «Крепкого орешка»...

— Да, конечно. Звучит здорово.

Серьезно? Снова это «да, конечно»?

Что, черт побери, мне нужно сделать, чтобы эта девчонка сказала «С УДОВОЛЬСТВИЕМ!»?

— Хорошо. Круто. — Я с трудом сглатываю. — Что ж, тогда я позвоню тебе.

Она ничего не отвечает, и воцаряется тишина, из-за которой я вновь чувствую неловкость.

Тут я наклоняюсь и делаю самую идиотскую в мире вещь. Что само по себе говорит о многом, потому что за последние годы я уже сделал столько глупостей.

Я целую ее в лоб.

Не в губы. Не в щеку. А в чертов лоб.

Круче не придумаешь, чувак.

Она изумленно поднимает на меня глаза, но я не даю ей шанса прокомментировать мое дурацкое действие.

— Я позвоню тебе, — бормочу я.

И во второй раз за последние три дня я ухожу из общежития Грейс, чувствуя себя полным засранцем.

* * *

Моя лекция по психологии длится три часа, но честно могу сказать, что не услышала ни слова из того, что говорил профессор. Ни единого словечка.

Все эти сто восемьдесят минут я вспоминала о каждой невероятной секунде из всего того невероятного, что делал со мной Логан этим утром.

Можно причислить человека к лику святых, или для этого необходимы какие-то обязательные требования?

А можно причислить к лику святых чей-то язык? А может, существует Управление Сексуальности, где вручают приз за лучший оргазм?

Если так, то Логан его заслужил.

Я до сих пор пребываю в замешательстве из-за того, что он появился у моей двери и, скажем так, потребовал, чтобы я позволила ему довести меня до оргазма. Думаю, его это все-таки такое же чувствительное, как пишут все эти глянцевого журналы. Но знаете что? Мне кажется, что это даже мило. И я испытываю какое-то извращенное удовлетворение от мысли о том, настолько уверенный в себе Джон Логан на самом деле сомневается в своих сексуальных умениях.

Забавно. Меньше недели назад я сетовала на то, что у меня скучная жизнь, а теперь посмотрите на меня — в мою дверь стучатся сексуальные хоккеисты и делают мою жизнь невероятно волнительной.

Да и к черту. Я присуждаю приз себе самой.

Логан продолжает занимать мои мысли и тогда, когда я встречаюсь за обедом с Рамоной и девочками, усаживаясь за наш обычный столик у дальней стены огромной столовой.

Карвер-Холл — одно из моих самых любимых мест в университете. И кто бы его ни проектировал, этот человек явно не обращал никакого внимания на остальные университетские постройки, потому что здание Карвера похоже на шале, и это придает ему какой-то деревенский стиль. Высокие потолки, деревянные панели на стенах, декорированные светильники, заливающие помещения мягким теплым светом, в отличие от флуоресцентного освещения в других столовых. И еще Карвер всего в двух минутах от моего общежития, что позволяет мне каждый день наслаждаться его великолепием.

Я ставлю поднос на стол и, опускаясь на пустой стул, открываю банку с рутбиром.

— Привет, — здороваюсь я со всеми. — О чем болтаете?

Рамона, Джесс и Майя тут же умолкают, на их лицах появляется скрытное выражение, и я сразу же догадываюсь, о ком они говорили.

Обо мне.

Я с подозрением прищуриваюсь:

— В чем дело?

Рамона с опаской смотрит на меня:

— Хорошо, но только не злись... я рассказала им про Логана.

Во мне поднимается волна раздражения, но в большей степени на саму себя. Не знаю, зачем я продолжаю делиться с Рамоной чем-то личным. Просить ее держать все в тайне — это как кинуть собаке мячик и просить не бежать за ним. Что ж, я кинула чертов мячик, и теперь Рамона несется с ним обратно. И в этом году ей повезло познакомиться и подружиться с двумя девицами, которые сплетничают еще больше, чем она. Джесс и Майя

так много времени уделяют критическому анализу жизни окружающих, что если создадут веб-сайт, то составят серьезную конкуренцию Пересу Хилтону^[7].

— Так что, это правда? — требовательно вопрошает Джесс. — Ты действительно сосалась с ним?

Мне неловко обсуждать с ними Логана, но я знаю этих девчонок — они не отстанут, пока я не скажу им хоть что-то. Пытаясь вести себя как ни в чем не бывало, я наматываю на вилку феттуччини и отправляю в рот. Затем, встретившись взглядом с Джесс, отвечаю:

— Угу.

— И все? Угу? — Она, похоже, шокирована. — И это все, что ты собираешься сказать?

— Я же вам говорила: она держит все в тайне, — ухмыляется Рамона. — Видимо, нам придется напомнить Грейс о первом правиле дружбы. А именно: не умалчивать о деталях, когда целовалась с самым горячим парнем в универе.

Я жую свою пасту:

— Я не рассказываю о своих любовных приключениях.

И тут, с насмешкой в голосе, вступает Майя:

— А знаете, учитывая полное отсутствие деталей, можно подумать, что этого вообще не было.

Можно подумать?

Я резко поворачиваюсь в сторону Рамоны. Поверить не могу! Теперь она распускает такие слухи? Наводит людей на мысли, что я какая-то сумасшедшая патологическая врушка?

Рамона, под моим немым осуждением, тут же спешит защитить себя:

— Эй, мы же уже это выяснили, помнишь? Детка, я верю, что вы с ним целовались.

— Дважды. — Признание слетает с моих губ прежде, чем я успеваю остановиться.

Проклятье!

У Рамоны отвисает челюсть:

— Что значит «дважды»?

Я пожимаю плечами:

— Этим утром он заходил снова.

Мои слова вызывают два потрясенных вдоха, за которыми следуют два оглушительных визга — все от Джесс и Майи. Рамона на удивление молчит, и мне не удается прочитать выражение ее лица.

— О боже! Приходил? — восклицает Джесс.

— Когда? — спрашивает Рамона.

Ее чересчур вежливый тон заставляет меня насторожиться.

— Сразу после того, как ты ушла на занятия. Но он пробыл недолго.

Ее темные глаза по-прежнему ничего не выдают.

— В этот раз ты хотя бы взяла номер его телефона?

— Нет, — признаюсь я. — Но теперь у него есть мой.

— Значит, ты по-прежнему не можешь с ним связаться. — Это не вопрос. И даже не обычное утверждение. В ее голосе чувствуется презрение, а когда я смотрю через стол, от меня не ускользает самодовольная усмешка на лице Майи.

Они мне не верят.

Рамона может отрицать это до посинения и потом сдавать назад хоть до следующего штата, но моя лучшая подруга по-прежнему уверена, что я это все придумала. И теперь она вовлекает в свои сомнения и наших подруг.

Наших подруг?

Мой насмешливый внутренний голос этим вопросом попадает прямо в цель, и, поразмыслив, я уже не могу вспомнить ни единого человека, с которым общалась в этом году и с которым меня не познакомила Рамона. В тот единственный раз, когда я пригласила к нам девчонок из своего класса по английской литературе, Рамона весь вечер болтала и смеялась, сказала им, что сказочно провела время. Но потом, когда девочки ушли, сообщила мне, что они скучные и мне нельзя приглашать их к нам, когда она дома.

Черт, ну почему я позволила ей вот так управлять своей жизнью?! Я терпела это в старшей школе, потому что... проклятье, даже не знаю, почему я все это терпела. Но мы уже больше не в старшей школе. Это колледж, и я могу проводить время с теми людьми, с которыми хочу, не переживая о том, что о них подумает Рамона.

— Нет, — стиснув зубы, отвечаю я. — Я никак не могу с ним связаться. Но не переживай: уверена — мой воображаемый друг рано или поздно свяжется со мной.

Она хмурится:

— Грейс...

— Я возвращаюсь в общежитие, чтобы поработать над курсовой. — Кусок больше не лезет в горло. Я поднимаю поднос с недоеденным обедом и встаю со стула. — Еще увидимся.

Считайте меня наивной, но мне казалось, что в университете все будет по-другому. Я думала, что все эти сплетни, разговоры за спиной и прочая чушь перестают существовать после окончания школы, но, похоже, злые девчонки присутствуют на любом уровне образовательной системы. Это как поездка на ферму — если вы отправляетесь туда, надеясь, что не будете повсюду наткаться на кучи коровьего дерьма, то вас ждет горькое разочарование. И вот вам тестовое задание на проверку способностей: «ЗЛЫЕ ДЕВЧОНКИ В ШКОЛЕ — это как _____ на ФЕРМЕ».

Дерьмо. Вот ответ на это задание — дерьмо.

Рамона перехватывает меня в тот момент, когда я в гневе вылетаю из здания, ее каблук цокает по известковому камню, пока она спешит вслед за мной.

— Грейс, подожди.

Стиснув челюсти, я поворачиваюсь:

— Чего тебе?

В ее глазах светится паника:

— Пожалуйста, не злись на меня. Я ненавижу, когда ты на меня злишься.

— Ой, Рамона, мне так жаль, что ты расстроена. Что мне сделать, чтобы тебе стало легче?

Ее нижняя губа дрожит:

— Не обязательно язвить мне. Я хотела извиниться.

Блин, если она сейчас начнет лить свои крокодильи слезы, честно, я за себя не ручаюсь!

— Я не хочу снова начинать с тобой этот разговор, — холодно отвечаю я. — Мне плевать, думаешь ли ты, что я вру, или нет. Я знаю, что говорю правду, и все остальное не имеет значения, понимаешь? Просто сейчас мне кажется невероятно обидным, что моя лучшая подруга, с которой я дружу с шести лет, считает...

— Я завидую, — быстро говорит она.

Я замолкаю.

— Что?

Наши взгляды встречаются, и на ее лице появляется унылое выражение. Понизив голос,

Рамона повторяет:

— Я завидую, ясно?

Должно быть, ад замерз. Другого объяснения тому, что я слышу, нет. Потому что за все тринадцать лет нашей дружбы, Рамона никогда не признавалась, что завидует мне.

— Весь год я пыталась сблизиться с Дином, — жалуется она. — Весь гребаный год, а он даже не знает о моем существовании. И вот ты, даже не стараясь, закрутила роман с его лучшим другом. — На лице Рамоны проступает нетипичное для нее ранимое выражение и смягчает ее черты. — Я вела себя как последняя стерва и прошу за это прощения. Из-за своей неуверенности в себе я сорвалась на тебе, а это было нечестно. Пожалуйста, не злись на меня. В среду твой день рождения. Я хочу отпраздновать его с тобой, хочу, чтобы у нас снова все было хорошо, чтобы...

Я, вздохнув, обрываю ее:

— У нас все хорошо, Рамона.

— Правда?

Гнев, который только наполнял меня, переливаясь через край, испаряется, стоит мне лишь заглянуть в ее полное надежды лицо. Это та Рамона, на которую я потратила тринадцать лет своей жизни. Девчонка, которая часами слушала мою болтовню о школьных влюбленностях, которая приносила мне домой школьные задания, когда я болела; которая научила меня краситься и которая грозилась надрать задницу любому, кто бы просто не так на меня посмотрел. Порой Рамона бывает эгоцентричной и легкомысленной, но зато она отчаянно преданная и невероятно добрая, когда сбрасывает с себя маску «плохой девочки».

Вся эта ситуация с Джесс и Майей по-прежнему больно жалит, но даже из-за этого я не могу заставить себя отвернуться от столь многолетней дружбы.

— У нас все хорошо, — успокаиваю я Рамону. — Правда.

По ее лицу расползается сияющая улыбка.

— Здорово. — Она обхватывает меня за талию и сжимает в медвежьих объятиях. — А теперь пойдем домой, где ты расскажешь мне обо всех непристойностях, которые делал с тобой этим утром Джон Логан. В подробностях.

Когда в среду утром я еду в Мансен, мое настроение на шкале счастья и радости прочно располагается на своем обычном месте — на нуле.

Такое случается крайне редко, чтобы я ехал домой посреди учебного года, но иногда у меня просто нет выбора. Обычно так происходит, когда внештатный механик в гараже моего отца не может заменить Джефа, который везет отца к доктору. Сегодня как раз такой случай, и я убеждаю себя, что смогу вынести пару часов, меняя масло и ремонтируя машины, и не сойти с ума.

К тому же это будет неплохим разогревом перед летом. Я имею склонность забывать о том, насколько сильно ненавижу работу в гараже, так что первый день для меня обычно равен отправке на фронт. У меня все скручивается в животе, а сердце начинает колотиться от страха, когда до меня доходит, что на следующие три месяца это станет моей жизнью. Но, по крайней мере, если сегодня я немного поработаю, то потом смогу хотя бы чуть-чуть снизить порог этой паники.

Фургон Джефа уже нет, когда я паркую свой пикап перед гаражом с вывеской «Логан и сыновья. Авторемонт». Звучит, конечно, смешно, учитывая, что это мастерская называлась так еще задолго до того, как мои родители обзавелись детьми. До папы гаражом заправлял мой дедушка, который, похоже, надеялся произвести на свет немало дюжих отпрысков мужского пола. Но отпрыск получился только один, так что фактически гараж следовало бы назвать «Логан и сын».

Мастерская представляет собой небольшое кирпичное здание, где места хватает только на два автоподъемника. Впрочем причина того, что бизнес особо не процветает, совсем не в площади. «Эл и Эс» приносит достаточно денег, чтобы покрывать необходимые расходы, оплачивать счета отца и выплачивать кредит за наш коттедж, который располагается в задней части земельного участка. В детстве я ненавидел то, что наш дом стоит так близко к гаражу. И в середине ночи нас будили клиенты, дубасившие в дверь, потому что их машина сломалась неподалеку, или телефонные звонки от службы техпомощи с сообщением о том, что нам везут машину. Все это было обычным делом.

Но после той аварии эта близость превратилась в удобство, потому что папа мог добраться из дома до работы меньше чем за минуту.

Но сейчас отец проводит в гараже не так уж много времени. Джеф — единственный, кто выполняет всю работу, а родитель пропивает себе мозги, развалившись в кресле в гостиной.

Я подхожу к помятой металлической двери, которая оказывается запертой на замок. К двери неровно оборванной полоской скотча приклеен разлинованный лист, и я сразу узнаю почерк брата.

«ТЫ ОПОЗДАЛ».

Два слова, написанных большими буквами. Черт, Джеф был в бешенстве.

Воспользовавшись собственным комплектом ключей, я открываю боковую дверь, вхожу внутрь и нажимаю кнопку, которая заставляет взлететь вверх огромную механическую дверь. На улице еще холодно, но я всегда держу дверь открытой — какой бы ни была погода. Когда я начал здесь работать, это было моим единственным требованием. Потому что довольно

быстро невыносимый запах масла и выхлопных газов начнет сводить меня с ума.

Джеф оставил мне список заданий, к счастью не очень длинный. Устаревшая модель «Бьюика», припаркованного на бетоне, нуждается в замене масла и передних фар. Раз плюнуть! Я натягиваю синий рабочий комбинезон с логотипом «Эл и Эс» на спине, включаю радио на первой попавшейся станции, где передают тяжелый рок, и приступаю к работе.

Через час я делаю свой первый перерыв. Сначала пью воду из-под крана в офисе, а затем выхожу на улицу для быстрого перекура.

Я как раз тушу окурок металлическим носком ботинка, когда в отдалении слышится рокот мотора. При виде того, как в просветах между высаженными вдоль длинной подъездной аллеи деревьями начинает виднеться передний бампер белого фургона моего брата, грудь моя сжимается.

Трусливо втягивая голову в плечи, я пячусь назад и устремляюсь к открытому капоту «Бьюика». Наклонившись, делаю вид, будто решил проверить мотор, и изо всех сил притворяюсь, что не слышу, как хлопают двери машины и как отец хриплым голосом что-то рывкает моему брату. До меня доносится звук шагов двух пар ног: одни, медленные и тяжелые, удаляются прочь от грязной дороги, а другие — быстрые и яростные — принадлежат Джефу, который в гневе врывается в гараж.

— Что, трудно было подойти и поздороваться с ним?! — раздраженно спрашивает мой старший брат.

Я распрямляюсь и захлопываю крышку капота:

— Прости, я как раз заканчивал работу. Зайду в дом перед отъездом.

— Давай-давай, а то он только что выговорил за это мне, а ведь это не я не здоровался с ним! — Джеф сердито хмурит темные брови. У него такой вид, словно он собирается продолжить читать мне нотации, так что я резко меняю тему до того, как он успеет начать:

— Что сказал доктор?

Тон Джефа меняется:

— Ему нужно перестать пить, иначе он умрет.

Я невольно фыркаю:

— Черта с два он бросит.

— Конечно нет. Будет пить до самой смерти. — Джеф яростно качает головой. — До того несчастного случая это было просто зависимостью. Но сейчас, мне кажется, это стало его целью.

Господи. Я в жизни не слышал более удручающего суждения.

Но с ним не поспоришь. Несчастный случай действительно все изменил — отец словно с катушек слетел, и прежние годы трезвой жизни пошли коту под хвост. И ведь это было хорошее время, черт побери. На целых три года у меня снова появился отец.

Когда мне было четырнадцать, последнее пребывание папы в центре реабилитации волшебным образом оказалось продолжительным. До маминого ухода он не прикасался к выпивке целый год, что, собственно, и стало причиной, почему она согласилась, чтобы мы остались с ним. Когда родители разводились, у нас было право выбора, с кем остаться. Джеф не хотел менять школу и уезжать от своей подружки, поэтому решил остаться с папой. А я решил остаться со своим старшим братом. И не только потому что боготворил его, а еще потому, что когда мы были маленькими, то пообещали прикрывать друг другу спину.

После развода отец соблюдал трезвый образ жизни еще года два, но у меня такое ощущение, что вселенная решила, будто семья Логанов не должна быть счастлива. И вот,

когда мне стукнуло шестнадцать, отец попал в ужасную автомобильную аварию по дороге из Бостона, где он оставил нас в гостях у мамы.

Обе его ноги были сломаны. Действительно сломаны — папе повезло, что он не остался парализованным. Он чертовски страдал от боли, но доктора не спешили назначать обезболивающие человеку с губительной тягой к алкоголю. Они сказали, что ему нужен постоянный уход, и Джеф ушел из колледжа, чтобы остаться дома и заботиться о нем. Новый мамин муж предложил нам взять кредит и нанять кого-нибудь, кто бы присматривал за папой, но мы убедили Дэвида, что в состоянии справиться сами. И тогда мы действительно ничуть не в этом сомневались. В том, что ноги отца заживут и если он пройдет курс физиотерапии, как предписали врачи, то когда-нибудь и сможет нормально ходить.

Но вот опять — вселенная снова послала Логанов в жопу. Папе было настолько плохо, что он снова стал пить, чтобы заглушить боль. Он не закончил курс физиотерапии, и ноги нерослись так, как планировалось.

Так что сейчас он сильно хромал, постоянно мучаясь от боли, а оба его сына смирились с тем фактом, что им придется ухаживать за ним до самой его смерти.

— Что будем делать? — мрачно спрашиваю я.

— То же, что и обычно. Возьмем себя в руки и будем заботиться о нашей семье.

Чувство бессилия опутывает меня изнутри, переплетаясь с уже поселившимся там чувством вины. Почему мы должны пожертвовать всем ради него?

Потому что он твой отец и он болен.

Потому что твоя мама делала это на протяжении четырнадцати лет и теперь твой черед.

И вдруг в сознание прокрадывается другая мысль, которая уже не раз приходила мне в голову, всегда вызывая ощущение тошноты.

Все стало бы куда проще, если б он умер.

Желчь обжигает мне горло, и я отгоняю от себя эту эгоистичную, отвратительную мысль. Я не хочу, чтобы он умирал. Пусть он конченый человек, пусть он пьет и порой ведет себя как настоящий козел, но, черт побери, он все равно остается моим отцом. Именно он в любую погоду возил меня на хоккейные тренировки. Он помогал мне запоминать таблицу умножения, и он научил меня завязывать шнурки.

Когда он был трезвым, то из него выходил отличный отец, и именно это делает всю ситуацию такой невыносимой. Я не могу ненавидеть его. Я не ненавижу его.

— Слушай, я тут подумал... — я умолкаю, опасаясь реакции Джефа. Откашлявшись, достаю из пачки еще сигарету и направляюсь к двери. — Давай выйдем.

Через несколько секунд я уже делаю глубокую затяжку, надеясь, что никотин добавит мне столь необходимой сейчас уверенности. Джеф с неодобрением поглядывает на меня, но вскоре покорно вздыхает:

— Дай и мне одну.

Пока он закуривает, я выпускаю облако дыма и заставляю себя продолжить разговор:

— Один из агентов из Нью-Йорка заинтересовался мной. И речь идет о крупном спортивном агенте. — Я выдерживаю паузу. — Он считает, что мне ничего не стоит попасть в профессиональную команду.

Лицо Джефа тут же каменеет.

— Это может означать приличную премию. И контракт. Деньги, Джеф. — От отчаяния мое горло словно сжимает тисками. — Мы сможем нанять человека, который занимался бы гаражом, и постоянную сиделку для папы. Возможно, даже сможем выплатить весь кредит за

дом, если сумма контракта будет достаточно большой.

Джеф язвительно усмехается:

— И насколько большой контракт ты планируешь заполучить, Джон? Давай начистоту. — Брат качает головой. — Послушай, мы уже говорили об этом. Если ты хотел уйти в профессиональный хоккей, то тебе следовало бы податься сначала в юниорскую лигу. Но ты решил окончить колледж. Ты не можешь убить одним выстрелом сразу двух зайцев.

Да, я выбрал учебу в колледже. Потому что чертовски хорошо знал, что если выберу второй путь, то никогда не смогу уйти из лиги, а это значит подставлю брата. Им бы пришлось вытаскивать клюшку из моих холодных мертвых рук, чтобы я перестал играть в хоккей.

Но мы с Джефом вот-вот поменяемся местами, и это вселяет в меня ужас.

— Я мог бы заработать кучу денег, — бормочу я, но моя жалкая попытка убедить Джефа не срабатывает — он опять качает головой:

— Нет уж, Джонни. У нас был уговор. Если бы даже ты попал в команду, то не получил бы всех денег сразу, и понадобилось бы время, чтобы все здесь уладить. У меня нет этого времени, понимаешь? Как только ты получишь диплом, я уматываю отсюда.

— О, да брось. Думаешь, я поверю, что ты вот так, ни с того ни с сего, уедешь?

— Мы с Кайли в мае уезжаем в Европу, — тихо говорит Джеф. — На следующий день после того, как ты окончишь колледж, нас уже здесь не будет.

Его слова обрушиваются на меня.

— И когда вы это решили?

— Мы планировали эту поездку уже давно. Я говорил тебе — сначала мы хотим немного попутешествовать, а потом пожениться. А затем провести какое-то время в Бостоне и уже только после этого подыскать жилье в Гастингсе.

Моя паника только усиливается:

— Но ты по-прежнему не отказываешься от задуманного, ведь так? Жить в Гастингсе и работать здесь?

Именно об этом мы договорились, когда я окончил старшую школу. Джеф держит оборону дома, а я учусь в колледже, затем, пока они с невестой обустроиваются, на несколько лет я сменяю его, но в результате он снова занимается мастерской, а я получаю свободу.

Вот только на тот момент мне стукнет уже двадцать пять и шансы попасть в профессиональный хоккей сведутся к нулю. Да, возможно, меня возьмут в какую-нибудь команду Американской хоккейной лиги, а вот НХЛ вряд ли будет уже во мне заинтересована.

— Не отказываюсь, — уверяет меня брат. — Кайли хочет жить в небольшом городке и растить наших детей здесь. К тому же мне нравится работа механика.

Что ж, хотя бы одному из нас это по душе.

— Я не возражаю присматривать за папой. Я... — Он тяжело вздыхает. — Мне просто нужен перерыв, понимаешь?

Мне трудно говорить, и я просто киваю. Затем тушу сигарету и, выдавливая из себя улыбку, наконец обретаю голос:

— Мне все еще нужно поменять ту фару. Лучше вернуться к работе.

Мы входим внутрь, и Джеф направляется в офис, а я возвращаюсь обратно к «Бьюику».

Пятнадцать минут спустя я вешаю на крючок свой комбинезон, кричу «пока!» брату и как можно быстрее лечу к своему пикапу.

Чертовски надеюсь, Джеф не заметил, что я так и не поздоровался с нашим отцом.

Все, чего мне хочется, — это завалиться на диван и смотреть начало плей-офф по телику. Мне даже плевать, что «Бостон» не играет — во время межсезонья я готов смотреть любую игру, какую будут показывать. Ничто так не разгоняет мою кровь и не заставляет так сильно биться мое сердце, как матчи плей-офф.

Но у Дина другие планы. Когда я выхожу из ванной после душа, он уже поджидает меня в коридоре с горящими от нетерпения глазами:

— Господи, мужик, что, черт побери, ты там делал?! Брил ноги? Тринадцатилетние девчонки и то принимают душ быстрее, чем ты!

— Я пробыл там буквально пять минут.

Я прошмыгиваю мимо него и ныряю в свою спальню, но он вваливается туда за мной. Этот парень не признает никаких границ.

— Одевайся побыстрее. Мы идем в кино, а я не хочу пропустить анонсы новых фильмов.

Я пялюсь на него:

— Ты приглашаешь меня на свидание?

Ответом мне служит его средний палец.

— Размечтался.

— Нет, похоже, это ты размечтался. — Я достаю из верхнего ящика комода пару боксеров и многозначительно смотрю на Дина. — Не возражаешь?

— Серьезно? Я тысячу раз видел твой член в раздевалке. Давай одевайся уже. — Он складывает руки на груди и начинает притоптывать ногой.

— Вали отсюда. Сегодня я собираюсь смотреть матч «Ред Уингз».

— О, да ладно! Тебе даже не нравится «Детройт». К тому же в кинотеатре сегодня акция — билеты на вечерние сеансы за половину стоимости. А я и так всю неделю ждал, чтобы посмотреть этот новый фильм со Стейтемом, так что давай сходим сегодня.

Теперь уже я таращусь на него во все глаза — это не сон?

— Эй, придурок, ты баснословно богат! Если уж кто и должен платить за билеты полную стоимость, так это ты.

— Я хотел быть вежливым, придурок. Ждал, когда билеты подешевеют, чтобы ты смог их купить. — И тут он улыбается мне своей фирменной улыбкой, увидев которую, телочки тут же срывают с себя трусики и запрыгивают на его член.

— Вот не надо мне тут так развратно улыбаться. Это наводит на меня ужас.

Его губы продолжают растягиваться в сексуальной ухмылке:

— Я перестану так улыбаться, если ты согласишься пойти со мной в кино.

— Ты самый невыносимый ти...

Ухмылка Дина становится еще шире, и он подмигивает мне.

Через десять минут мы выходим их дома.

* * *

В кинотеатре Гастингса всего три зала, и там показывают только одну новинку в неделю, что существенно ограничивает выбор. Но, на счастье Дина, фильм со Стейтемом, на

который он так облизывался, все еще стоит в прокате. Дин большой фанат Стейтема. Если кто-то скажет мне, что он стоит перед зеркалом и говорит с британским акцентом или притворяется, что перевозит вещи по своей спальне, я ничуть не удивлюсь.

Меня по-прежнему не радует перспектива смотреть кино, хотя после того, как Дин насильно вытащил мне из дома, я понял, что это и не такая уж плохая идея — по средам после работы Ханна обычно приходит к нам. Но надеюсь, к тому времени, когда мы с Дином вернемся, они с Гарретом уже будут спать. И да, я знаю ее рабочий график, жалкий никчемный неудачник.

Но есть и хорошая новость — в последнее время я не так одержим ею, как обычно. Все выходные моими мыслями владела не Ханна, а Грейс. Боже, и лучше не вспоминать об оральной феерии в понедельник. Когда я мастурбировал вчера вечером, то перед моими глазами стояли упругие кремовые бедра Грейс и ее горячая, тесная...

— Логан. Привет.

Я в замешательстве моргаю, потому что вижу... Грейс. На какую-то секунду меня даже одолевают сомнения: не порождение ли это моих похотливых фантазий. Но нет. Она действительно здесь, стоит в пяти шагах от билетной кассы.

— Привет, — говорю я в ответ.

Она улыбается и заправляет за ухо прядь волос. На ней облегающий свитер, черные леггинсы, расстегнутая ветровка — Грейс словно сошла со страниц каталога «Аберкромби энд Фитч». И мне даже нравится ее удобный, но вместе с тем сексуальный наряд.

Я слышу легкое покашливание и замечаю, что рядом с ней стоит кто-то еще. Фигуристая черноволосая девушка в черной кожаной юбке и пушистом красном джемпере. И она пялится на меня. С отвисшей челюстью и вытаращенными глазами.

Чей-то локоть подталкивает меня в спину.

— Чувак, — раздраженно говорит Дин. — Давай придерживаться плана. С тебя билеты, с меня попкорн.

Я протягиваю ему двадцатку:

— Планы меняются. Я куплю еду.

Он закатывает глаза и, бросив сладострастный взгляд на сиськи подружки Грейс, топает за билетами.

— Что собираетесь смотреть? — спрашиваю я Грейс.

Она улыбается:

— А ты как думаешь? — Грейс протягивает два билета, и я усмехаюсь, когда вижу на них название фильма со Стейтемом.

Ну конечно! Я и забыл, что она фанатка экшенов.

— Мы тоже идем на этот фильм. Давайте сядем вместе.

Подруга Грейс издает непонятный звук, напоминающий писк. Это как удивленный вдох, только с визгом. И этот один маленький звук уже говорит о многом.

Грейс показывает на свою подружку:

— Это Рамона. Рамона, это Логан.

Подруга окидывает меня взглядом с головы до ног:

— Я знаю, кто он.

Ох, проклятье. Я уже видел такой взгляд. Много-много раз, на лицах многих-многих женщин. Как если она представляет меня внутри себя, голым.

К несчастью для нее, мне не хочется воплощать в жизнь эту фантазию. Я полностью

сосредоточен на Грейс, и в голове один за другим проскальзывают развратные образы. Например, ее остекленевшие глаза, когда мой язык впервые коснулся ее клитора. Или эти ее звуки с придыханием, которые она издавала, когда кончала. Или...

— Сегодня день рождения Грейс, — объявляет ее подруга.

Грейс морщится от смущения:

— Рамона.

— Блин, правда? — Я ухмыляюсь ей: — С днем рождения, красавица.

От меня не ускользает то, как ее подруга снова изумленно открывает рот, и то, как неловко переминается с ноги на ногу Грейс.

— Спасибо. — Она хмуро выпячивает нижнюю губу. — Сегодня мне девятнадцать.

Убейте меня.

Я усмехаюсь:

— Похоже, ты не особо любишь дни рождения?

— Совсем не люблю. А благодаря моей маме я еще и до смерти их боюсь.

Ее подруга вдруг фыркает:

— О, а помнишь тот случай на весенней ярмарке? Когда твоя мама забралась на сцену во время выступления какой-то фолк-группы и зачитала тебе поздравительный рэп?

— Ты имеешь в виду, помню ли я тот день, когда изучала, каким образом мне можно освободиться от опеки своих родителей? — сухо спрашивает Грейс. — Во всех красках.

Рамона заговорщицки смотрит на меня:

— Я хотела пригласить народ к нам в общежитие и отпраздновать, но она пригрозила, что отрежет обе мои руки и скормит их мне, если я так сделаю. Так что мы нашли компромисс — сходить в кино.

Нас прерывает Дин, который, нахмурившись, взирает на мои пустые руки.

— Е-мое, ну почему мне все надо делать самому? — Но тут, словно вспомнив, что он находится в обществе двух прекрасных девушек, Дин широко улыбается: — Ну так что, ты нас познакомишь или как?

— Это Грейс, а это... — Черт, я уже и забыл имя ее подруги.

— Рамона, — подсказывает она сама, и теперь ее голодный взгляд сфокусирован исключительно на Дине.

Она может пожирать его глазами сколько влезет, но даю гарантию: как только Дин узнает, что она первокурсница, то тут же перестанет пожирать ее глазами в ответ.

Будучи заядлым бабником, Дин, однако, строго придерживается правила не иметь дел с первокурсницами. Не могу сказать, что виню его — достаточно вспомнить одну маньячку, преследовавшую его в начале прошлого года. Дин переспал с первокурсницей, которая после ночи бурной страсти решила, что они по уши влюблены друг в друга. И тут она начала появляться у нашего дома в любое время дня и ночи, иногда в одежде, иногда без, вооруженная цветами, любовными письмами и — это мое самое любимое — с вставленной в рамку собственной фоткой, на которой она красуется в хоккейном свитере Дина.

Порой, когда я засыпаю, мне до сих пор будто слышатся с улицы ее завывания: «Ди-и-и-и-и-ин!»

Нет нужды говорить, что с тех пор Дин избегает столь юных девиц. Он называет их прилипалами десятого уровня.

Мы вчетвером останавливаемся у торгового прилавка, чтобы Дин купил себе попкорн, и через несколько минут входим в темный зал кинотеатра, где только что начали показывать

анонсы новых фильмов. Зал забит под завязку. Скорее сам Джейсон Стейтем появится здесь и расскажет о фильме, чем мы найдем четыре свободных места рядом. Но тут я замечаю несколько свободных сидений на двоих.

Девушки идут впереди нас, поэтому я склоняюсь к Дину и бормочу:

— Не возражаешь, если мы разделимся? Я хочу сесть с Грейс. Сегодня ее день рождения.

Взгляд приятеля тут же опускается на отменную задницу Рамоны.

— Согласен.

Когда я предлагаю то же самое девушкам, Грейс и Рамона утвердительно кивают. Рамона сразу же цепляется за руку Дина и что-то шепчет ему на ухо. Он усмехается, и они скрываются в темноте в поисках свободных мест.

Мы с Грейс следуем за ними. В середине зала, прямо у прохода, обнаруживаются два свободных места, и когда мы усаживаемся, она придвигается ближе и шепчет мне:

— Ты уверен, что твой друг не против сидеть с Рамоной? Потому что она будет приставать к нему весь фильм.

Ее губы практически касаются моего уха, и девушка просто невероятно пахнет. Я совершенно не разбираюсь в цветочных запахах, но в ее аромате есть что-то сладкое и нежное, и когда Грейс проводит рукой по волосам, меня тут же обволакивает исходящим от нее благоуханием.

— Не волнуйся. Дин может сам о себе позаботиться, — ухмыляясь, шепчу я ей в ответ.

Мы поворачиваемся к экрану, и анонс нового фильма тут же приковывает все внимание Грейс. Это какой-то боевик с множеством взрывов и убийств, с большими звездами и еще более большими пушками, и мне нестерпимо хочется поцеловать эту девушку, когда я замечаю радостное выражение на ее лице. Ее любовь к экшенам, оказывается, сильно заводит.

Не в силах остановиться, я беру ее руку в свою.

Она удивленно вздрагивает, но тут же расслабляется и, бросив на меня взгляд, улыбается мне, а потом снова переключает все свое внимание на экран.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Греческая система — одно из обобщенных названий студенческих мужских и женских организаций в вузах США (братств и сестринств), которые называются буквами греческого алфавита.

«Греческий ряд» (англ. Greek row) — название улиц/улицы, где располагаются дома братств и сестринств.

Банди, Тед (1946–1989) — серийный убийца, маньяк, преследовал девушек и женщин.

Драфт — процедура выбора профессиональными командами игроков, не связанных контрактом.

Имеется в виду сцена в фильме, когда приближается тираннозавр и вода в стакане начинает дрожать.

Жанр мексиканской музыки.

Хилтон, Перес (Perez Hilton) — популярный американский блогер, известный своими публикациями о личной жизни знаменитостей, актеров и музыкантов.